

ВЕЛИКАЯ ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Хью ТОМАС

Империя, над владениями которой никогда
не заходило солнце

Страницы истории (АСТ)

Хью Томас

Великая Испанская империя

«АСТ»

2013

УДК 94(460)»15»
ББК 63.3(4Исп)

Томас Х.

Великая Испанская империя / Х. Томас — «АСТ»,
2013 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-107778-5

Правление Филиппа II – сына Карла V, государя, удерживавшего в своих руках значительную часть Европы и Нового Света... При нем продолжался Siglo de Oro – Золотой век Испанской империи, когда она оставалась флагманом всей католической Европы и обеих Америк. Окончательное покорение Чили, исследование рек Рио-де-ла-Платы, Параны, Ориноко. Основание Буэнос-Айреса и Асунсьона – будущих столиц новых колоний – Аргентины и Парагвая. Присоединение Португалии к Испании и переход заморских колоний Португалии под власть Мадрида. Завоевание Филиппинских островов и мечты о проникновении в Китай. Как жила первая из империй, над которой никогда не заходило солнце? Читайте об этом в увлекательном исследовании британского историка Хью Томаса.

УДК 94(460)»15»
ББК 63.3(4Исп)

ISBN 978-5-17-107778-5

© Томас Х., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Введение	6
Пролог: Путешествие в Париж	9
Книга первая	13
1. Король Филипп II: просвещенный деспот	13
2. Король Филипп: монарх-бюрократ	22
3. Король Филипп и его империя	28
4. Имперская теократия	35
5. Иезуитский вызов	45
Книга вторая	52
6. Неприятности в Мексике	52
7. Сыновья конкистадоров просят слишком много	59
8. Новая Испания в мире и покое	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Хью Томас

Великая Испанская империя

Hugh Thomas
WORLD WITHOUT END

Перевод с английского В. Желнинова

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

© Hugh Thomas, 2013 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Здесь я не могу не воздать должного достоинству и терпеливости испанцев. Редко или вообще никогда возможно встретить какой-либо народ, испытавший столько несчастий и страданий, как испанцы, обретшие оные благодаря своим индийским открытиям. Однако они продолжали затеянное предприятие с непоколебимым упорством и присоединили к своим владениям множество изобильных областей, словно желая навеки похоронить под ними приобретениями память обо всех пережитых тяготах и хлопотах. Бури, кораблекрушения, голод, восстания, мятежи, жара и холод, чума и прочие болезни всяческих разновидностей, старых и новых, а также крайняя нищета и отсутствие самых необходимых вещей – таковы были враги, с каковыми они сталкивались при каждом своем великолепном и заслуживающем восхищения открытии. Многие годы они провели в неустанных поисках, пусть и преодолели за сей срок не так уж много лиг; немало испанцев положило свою жизнь, труды и достаток на поиски золотого царства, хотя и выяснили о нем немногим больше того, что было известно изначально. Несмотря на все перечисленное, сменявшие друг друга искатели приключений и богатств не разочаровывались. Несомненно, они обрели достойное вознаграждение, завладев несметными сокровищами и поистине райскими местами, каковые твердо намерены сохранить за собою, если им не доведется столкнуться с подобной добродетелью в других народах, кои (быть может) позарятся на названные земли... Со времен падения Римской империи (и оставляя вне рассмотрения германскую, которая не обладала ни величием, ни длительностью) не было на свете восточной страны, каковой страшились бы так, как боялись турок; а на западе не нашлось владетеля, коий простер бы свои крылья шире испанцев, которые с той самой поры, когда Фердинанд изгнал мавров из Гранады, неоднократно пытались стать властелинами всей Европы.

Сэр Уолтер Рэли. «История мира»

Введение

Этой книгой я завершаю свою трилогию об испанской империи в Северной и Южной Америке, начатую в 2003 году «Реками золота» и продолженную в 2010 году «Золотым веком». В настоящей работе я довожу историю до 1598 года, то есть до смерти долго правившего испанского короля Филиппа II; в ту эпоху администраторы, колонисты, священнослужители и прочие должностные лица делали все возможное, чтобы уверенно управлять огромной трансокеанской империей, и не стремились дальше раздвигать ее границы. Обширному политическому образованию было суждено существовать еще более двухсот лет, а в случае Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппинских островов и некоторых других регионов – и триста лет. Но к 1598 году жители империи уже сделались не столько завоевателями, сколько хранителями завоеванного.

В ряде глав настоящего исследования я пытаюсь анализировать условия жизни на тех или иных покоренных территориях; другие главы посвящены рискованным затеям, и в них обсуждаются новые завоевания. Порой приключения и повседневная жизнь идут рука об руку, как, например, в главе 11, посвященной Чили. Наконец, имеются главы, где я рассказываю о мерах, предпринимавшихся в метрополии, то есть в Испании, для установления контроля над новыми территориями.

Важную часть этой истории составляют книги, как справедливо отметил еще Ирвинг Леонард в своем замечательном труде «Книги храбрецов», впервые опубликованном в 1949 году¹. Количество людей, вдохновлявшихся рыцарскими романами и отправлявшихся искать счастье в Новом Свете, было весьма значительным. Антонио Пигафетта, итальянский хронист и автор описания кругосветного путешествия Ф. Магеллана, писал: «Будучи в Испании в 1509 году, я, благодаря некоторым людям, с коими я встречался, и отдельным книгам, кои мне довелось прочесть, открыл для себя чудеса великого океана и немедленно вознамерился узреть сии чудеса воочию»². Размышления по этому поводу немца Филиппа фон Гуттена приводились во второй части моей «испанской» трилогии, «Золотом веке»: «*Мне кажется, что я не упокоюсь с миром, пока не увижу Индий*»³. Берналь Диас дель Кастильо, родом из Медины дель Кампо в Кастилии, писал в своей «Правдивой истории завоевания Новой Испании», что взгляд, брошенный издаലെка на Мехико¹ / Теночтитлан, напомнил ему о некоем городе из чрезвычайно популярного рыцарского романа об Амадисе Гальском («волшебные рассказы»); это кажется немного странным, поскольку лично я не нашел в этом романе ни единого описания крупного города. Но Диас утверждал именно так, и следует помнить, что он был непосредственно знаком с автором (или переписчиком) «Амадиса», Гарси Родригесом де Монтальво: как ни удивительно, они были родом из одного и того же города, их дома стояли недалеко друг от друга. Родригес де Монтальво был советником (рехидором) в Медине-дель-Кампо, как и отец Диаса.

Знаменитая хроника Диаса, подобно «Амадису» Монтальво, была характерна для той эпохи и вряд ли могла бы появиться хотя бы сотней лет ранее. Ведь шестнадцатое столетие познакомило Европу с изумительным новшеством, которое в немалой степени определило дальнейшую историю континента. Речь о книгопечатании и о возможности широкого распространения текстов и копий иллюстраций. Чтение из привилегии малочисленной элиты, располагавшей средствами на приобретение рукописных копий, превратилось в досуг наиболее образованных людей, приобщавшихся к нему посредством печатных памфлетов и книг. Результат можно сопоставить с внедрением в жизнь общества радиовещания в двадцатом веке и расширением аудитории слушателей музыки. В Испании новая эра началась с рыцарских романов

¹ Для соблюдения исторического колорита в тексте используется именно такой вариант передачи названия современного Мехико. См. ниже примечание о Тлашкале. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

наподобие «Тиранта ло Бланш» («Тиранта Белого») Жуанота Мартуреля и Марти Жуана де Галбы², опубликованного в 1490 году в Валенсии, и «Амадиса Гальского», первая подтвержденная публикация которого состоялась в Сарагосе в 1508 году. Благодаря этим романам «широкая публика осознала, что книга также может быть средством развлечения»⁵. В этом новом мире люди воспринимали рыцарский роман как своего рода современный туристический путеводитель: за следующим мысом, как говорилось в романе «Похождения Эспландиана», наверняка обитают амазонки.

Эти рыцарские романы во многом определяли поведение людей. Фернандо де Авалос, маркиз Пескара (области в Италии), муж подружки Микеланджело Виттории Колонна, прочел в юности много рыцарских романов, прежде чем начать свою доблестную карьеру⁶. Святой Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, завел привычку читать эти «баснословные трактаты», чтобы скоротать скуку выздоровления после перелома ноги в 1522 году при осаде Памплоны⁷. Точно так же святая Тереза Авила признавалась, что обзавелась «пристрастием к чтению [рыцарских романов], и мне казалось, что нет ничего дурного во многих часах дня и ночи, потраченных на сие суетное времяпрепровождение, пусть я и читала тайком от моего отца. Я настолько пристрастилась к этому занятию, что, если не находился новый роман, ощущала себя глубоко несчастной»⁸. Безусловно, такой круг чтения во многом оказал влияние на жизнь святой Терезы и на ее собственную книгу, «Эль кастильо интерьер о Лас морадас» («Замок души»). Ирвинг Леонард рассказывает о священнике, который не только знал о деяниях Амадиса и прочих героев, но и считал их правдой, поскольку романы об этих деяниях были напечатаны⁹.

Кроме того, покорение обеих Америк отчасти представлялось таким последним крестовым походом. Роль Католической церкви в постановке этой великой драмы была ничуть не меньше, нежели в иных, предшествующих свершениях во славу христианства. Очевидны достижения в этот век имперских завоеваний францисканского, доминиканского и августинского орденов, а позже иезуитов. Христианство наделило испанскую империю идеологией, а также дало империи цель и немало содействовало насаждению и укреплению дисциплины.

За помощь в работе над книгой я признателен следующим людям: мистеру Стюарту Профитту из издательства «Пингвин букс» и его верным помощникам Шен Вахиди и Дональду Фьючерсу; мистеру Эндрю Уайли, миссис Саре Чалтант, Джеймсу Пуллену и другим сотрудникам литературного агентства «Уайли»; правку мистера Профитта по моему тексту мне хотелось бы оценить как великолепную, используя любимое слово Колумба. Он был дотошен, изобретателен, проницателен, щедро делился познаниями и живо интересовался подробностями.

Также благодарю Ану Бустело из издательства «Планета» (Барселона); Глорию Гутьеррес и Кармен Бальсельс из «Ахенсия Кармен Бальсельс»; Гийома Вильнева, моего замечательного французского переводчика; Агнес Хирц и Жана-Луи Барре из компании «Робер Лаффон»; тех, у кого я останавливался или у кого консультировался: мистера и миссис Джон Хемминг; сэра Джона Эллиотта; Дамьена и Палому Фрейзер в Мешико; покойного Карлос Фуэнтес; Мариту Мартинес дель Рио де Редо; Энрике Краузе; доктора Квази Квартенга, члена парламента; профессора Энрикету Вилу Вилар; доктора Хуана Хиля и профессора Консуэло Варелу; герцога и герцогиню Сегорбе; Херарду де Орлеанс; Рафаэля Атиенцу, маркиза Сальватьерра; маркиза Тамарона; дона Гонсало Анеса, маркиза Кастрильона, директора Королевской академии истории Испании; дона Висенте Льео; дона Рафаэля Мансано; директора Архива обеих Индий в

² Исследователи сегодня признают «Тиранта» произведением, по выражению автора истории литературы на каталанском языке М. де Рикера, одного автора, то есть Ж. Мартуреля; считается, что роль Галбы сводилась к завершению так называемой «африканской» части романа – или вообще «к незначительной редактуре».

Севилье; дона Антонио Санчеса, директора «Музея де Лас фериас» в Медине-дель-Кампо; и дона Мигеля-Анхеля Кортес, члена парламента от Вальядолида.

Мои помощницы Тереза Веласко, затем Сесилия Каламанте, а за нею Карлотта Рибейро Санчес сделали много полезного для этой книги на разных этапах работы над текстом, и я всегда буду благодарен за их труды. Тереза Альсугарай, как и в прошлом, помогала мне с испанскими рукописями шестнадцатого века.

Полагаю необходимым перечислить отдельные книги, которые дарили мне вдохновение и были неоценимым подспорьем. Прежде всего это «Испанский национальный биографический словарь»; из данного шедевра книжной индустрии я почерпнул много полезных сведений (в библиографии я ссылаюсь на него как на DBE или на Diccionario Biográfico Español). Также отмечу собрание документов «Colección de Documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones Españolas en América y Oceanía» в 42 томах (Мадрид 1864–1884; в библиографии ссылки на CDI). Я многим обязан следующим трудам: «Эразм в Испании» Марселя Батейона; «Китайская империя» Мануэля Олле; «Филипп Второй и его эпоха» Мануэля Фернандеса Альвареса; «Имперская Испания» сэра Джона Эллиота; «Люди Кахамарки» и «Испанское Перу» Джеймса Локхарта; «Новая Испания» сэра Николаса Читэма; «Книги храбрецов» Ирвинга Леонарда; «Филипп Второй» Джеффри Паркера; «Средиземное море в эпоху Филиппа II» Фернана Броделя; «Бартоломе де Лас Касас» Мануэля Хименеса Фернандеса; «В поисках Эльдорадо» Джона Хемминга; «История папства» Людвиг фон Пастора; «Духовное Завоевание Мексики» Робера Рикара.

Что касается короля Филиппа, я пользовался несколькими важными биографическими трудами: а именно работой покойного Мануэля Фернандеса Альвареса (Мадрид, 1998); весьма содержательной книгой Джеффри Паркера (Бостон, 1978) и исследованием Генри Кеймена, чья биография короля доставила мне немалое удовольствие. Эти книги чрезвычайно помогли мне в работе над первым томом моей «испанской» трилогии. Кроме того, много лет назад в Риме мне посчастливилось познакомиться с ныне покойным Орестом Феррарой, который написал замечательную биографию Филиппа в 1940-х годах, вынужденный бежать с Кубы (Париж, 1961). Два рыцарских романа той эпохи оказались значимым подспорьем, о чем подробнее ниже, sobre la marcha, как говорят испанцы: это «Амадис Гальский» (1508) и «Тирант ло Бланш» (1490).

В заключение искренне благодарю мою жену Ванессу за помощь и терпение; она читала и вносила исправления в раннюю версию моего текста; еще хочу сказать спасибо моим детям, Иньиго, Исамбарду и Изабелле, за поддержку. Наконец, благодарю моего зятя доктора Георгиоса и моего внука Александра Варуцакиса.

Хью Томас, 31 января 2014 года

Пролог: Путешествие в Париж

La Reine manda au Roi qu'elle conjurait de ne plus courir, qu'il avait si bien fait qu'il devait être content et qu'elle le suppliait de revenir auprès d'elle³.
Мадам де ла Файет. «Принцесса Клевская»⁴

Мирный договор, заключенный в 1559 году между Францией, с одной стороны, и Испанией в союзе со Священной Римской империей, с другой стороны, возвестил о начале, как принято сегодня говорить, Нового времени. Договору предшествовали две военные победы союзников, которые брали верх над противником на северо-востоке Франции, в сражениях при Сен-Кантене (1557) и при Гравелине (1558). Истощение государственных финансов побудило Францию искать перемирия. Обе эти победы были торжеством одного национального государства, Испании, над другим национальным государством (Францией), хотя Испания могла полагаться в качестве союзника на старинное политическое образование – Священную Римскую империю, то есть, по сути, на Германию.

Переговоры о мире начались в 1558 году в монастыре Серкан на севере Франции, построенном в двенадцатом столетии, а завершились в близлежащем городе Ле Като-Камбрези. Кроме того, обсуждения велись и в Камбре. Эти населенные пункты издавна относились к фламандскому графству Эно и потому являлись частью наследства герцогов Бургундских. В Камбре был заключен предыдущий мирный договор, так называемый «Дамский мир»⁵ 1530 года, а десятилетиями ранее этот город прославился изготовлением тонкой белой льняной ткани, получившей название «камбрийской». Словом, история виделась хорошим предзнаменованием.

В Камбре в 1558 году собрались ведущие представители всех заинтересованных сторон – фактически всех крупных стран Европы. От Испании выступал величественный третий герцог Альба, аристократ, который выказал себя умелым полководцем, придворным и дипломатом. Это Альба на самом деле одержал для императора Карла верх в битве при Мюльберге в 1547 году, и его триумф запечатлел Тициан на одном из наиболее известных своих портретов. В Камбре также присутствовал главный секретарь Филиппа II Руй Гомес, придворный, прибывший в Испанию с королевой-матерью, португалкой по происхождению; потом она стала королевой-императрицей, а сам Гомес недавно удостоился неаполитанского титула «принц Эболи».

Прочими значимыми членами весьма интернациональной по составу испанской делегации Испании были епископ Арраса, будущий кардинал Гранвель; ученый-законовед Виргилиус ван Айтта из Цвикен, бывший президент Тайного совета Нидерландов; и принц Вильгельм Оранский, молодой и богатый голландский дворянин, который в ту пору флиртовал с фламандской девушкой по имени Ева Элинкс (эта интрижка показала Альбе, человеку строгих нравов, что на принца нельзя полагаться). Граф Эгмонт, еще один имперский делегат, также являлся выдающимся человеком эпохи. Он происходил из древнего рода, который сыграл немалую роль в золотые годы бургундского самоутверждения в пятнадцатом столетии. Граф был женат на сестре курфюрста Рейнского и участвовал в катастрофической экспедиции императора Карла в Алжир⁶ в 1541 году. Рыцарь Золотого руна с 1546 года, Эгмонт отличался

³ «Королева просила известить короля, что тому не следует выступать далее, что он уже явил себя доблестным рыцарем и должен быть доволен, а посему ему надлежит вернуться к ней» (фр.).

⁴ Имеется в виду королева Екатерина Медичи, просившая супруга, короля Генриха II, прекратить рыцарский турнир, на котором король позднее получил смертельную рану. – *Примеч. авт.*

⁵ Такое прозвище объясняется тем, что в подготовке мирного договора сыграли немалую роль мать короля Франции Франциска Луиза Савойская и тетка императора Карла Маргарита Австрийская, представлявшие монархов на переговорах.

⁶ Во время высадки войск на побережье началась буря, за четверо суток уничтожившая не меньше 150 судов и погубившая

добродушием, был обаятельным и отважным и отменно командовал конницей. Впрочем, он питал склонность к поспешным выводам и неосмотрительным действиям. Он командовал германской – бургундской – конницей, так называемыми «Шварцрайтерн»⁷, которая принесла Испании победу как при Сен-Кантене, так и при Гравелине.

Французов на мирных переговорах возглавлял коннетабль королевства, миролюбивый герцог Анн¹⁰ де Монморанси, которого поддерживал более воинственный и умный кардинал Лотарингский, брат герцога де Гиза, опытного воина, отобравшего у англичан Кале. При столь высокородных фигурах французской делегации состояли Жан де Морвилье и Себастьян де Л'Обеспен, образованные люди, исполнявшие обязанности секретарей (Л'Обеспену вскоре предстояло стать французским послом в Нидерландах)¹¹.

По поводу Монморанси венецианский посланник Мартин де Кавалли сообщал дожу: «Когда царит мир, коннетабль является наиболее важной персоной во Франции; если начинается война, он становится узником, лишенным всяких полномочий»¹². Отмечу, что сообщения венецианских посланников вообще служат отличным сторонним источником сведений о дворах, при которых эти посланники состояли.

В состав этих делегаций, если коротко, входили лучшие люди Европы. Альба и Монморанси в 1559 году совместно прилагали дипломатические усилия. Первый был надежнейшим из придворных короля Филиппа, который восхищался герцогом – и опасался его. Второй же славился как умелый переговорщик¹³.

На мирных переговорах, которые завершились подписанием документов 2 и 3 апреля 1559 года, обсуждалась судьба множества территорий и границ, в том числе участь значительной части Италии и ряда небольших городков с гарнизонами (так называемых *presidios*) – Таламоны, Орбетелло, Порто-Эрколе и Санто-Стефано; они находились в имперском владении, что позволяло Испании препятствовать торговле между Генуей и Неаполем¹⁴. Также подлежали обсуждению браки и права наследования. Выйдет ли новая королева Англии Елизавета замуж за короля Филиппа, овдовевшего супруга ее сестры Марии? А как быть с красивой, но очень юной дочерью Генриха II Французского, Елизаветой Валуа? Возможно, она станет женой наследника испанского престола Карла («Дона Карлоса»)? Или, быть может, предпочтет сочетаться браком с его отцом Филиппом? Герцог Альба писал из Ле-Кеснуа, укрепленного города между Камбре и Парижем, что для короля Испании не кажется разумным отказываться от повторной женитьбы, поскольку у него всего один сын¹⁵. Между тем будущее Кале определилось весьма любопытным образом. Если королева Елизавета Английская выйдет замуж и родит сына и если этот сын женится на дочери короля Франции (или даже на дочери дофина), он унаследует Кале. Но если это предложение не понравится королеве Елизавете, город вернется к ней спустя восемь лет. Приблизительно 500 000 крон подлежали уплате в Венеции в качестве обеспечения для даров¹⁶.

Итальянцы приняли то, что Стендаль через несколько сотен лет назовет «испанским деспотизмом»¹⁷, поскольку им в равной степени требовались надежная защита от турок и желанное американское серебро¹⁸. Но Франция сумела сохранить за собой несколько опорных точек в Италии, причем сразу пять в Пьемонте, включая Турин, Пинероло и Савиньяно, а также маркизат Салуццо. Впрочем, эти опорные точки не шли ни в какое сравнение с теми областями Корсики и Сиены, которые пришлось отдать генуэзским дожам и великому герцогству Тосканскому, фактическим вассалам Испании.

до 12 000 человек; эта трагедия вынудила Карла отступить.

⁷ Букв. «черные рыцари (или всадники)»; наемная конница, иначе рейтары, вооруженные огнестрельным оружием. Существует гипотеза, что «черными» рейтаров стали называть, поскольку изначально они нанимались на службу к императору Священной Римской империи, а всех католиков протестанты именовали «черными».

Альба, Гомес, принц Оранский и граф Эгмонт отправились из Камбре во французскую столицу. До отъезда они посетили в Брюсселе заседание капитула ордена Золотого руна, рыцарского ордена, основанного Филиппом Добрым в Бургундии в пятнадцатом столетии; потомки Филиппа старательно поддерживали статус наивысшего рыцарского ордена. Как выяснилось, герцогу Альбе предстояло сыграть в Париже новую роль: ему выпало жениться на французской принцессе Елизавете от имени короля Филиппа.

Свадьба, призванная ознаменовать конец войны, была назначена на 22 июня, и церемония прошла на помосте, установленном к западу от собора Нотр-Дам. Альба облачился в золоченую ткань и надел на голову императорский венец, а новая королева сверкала бесчисленными драгоценными камнями. После церемонии герцог передал Елизавете шкатулку, полную самоцветов и с портретом короля на крышке – разумеется, от имени Филиппа¹⁹. Затем вошел в спальню королевы, возложил одну руку и одну ногу на кровать, после чего удалился. Благодаря этому опосредованному браку с Филиппом Елизавета осталась в истории под именем «Королевы мира». Затем состоялась вторая свадьба, между Маргаритой, сестрой Генриха II, и герцогом Савойским Эммануэлем Филибертом. Последний, в отличие от короля Филиппа, присутствовал на церемонии лично и стал первым савояром, который получил европейскую известность как государственный деятель.

Дальше начались турниры. Также устроили охоту в Шантильи, и на этой охоте король Генрих сказал принцу Оранскому, что герцог Альба готов приступить к искоренению ереси, опираясь на совместную испано-французскую армию, и начать хочет с «чумного пятна» Нидерландов. Король ошибся в выборе наперсника: Оранский промолчал, но пришел в ужас²⁰.

Специальную турнирную площадку устроили на рю Сент-Антуан, знаменитой парижской улице, что вела от Лувра до Бастилии; этой дорогой от королевского дворца до тюрьмы в прошлом частенько проходили разные люди, в том числе – неожиданно-негаданно для них самих – особы благородных кровей. Король Генрих II Французский лично бился на этом турнире²¹. С мостовой по такому поводу сняли весь булыжник. С балконов свисали роскошные штандарты с гербами Испании, Франции и Савойи, а между колоннами особняков поставили статуи, аллегории выгод и преимуществ мирного сосуществования.

Два дня состязаний прошли благополучно. 30 июня король Генрих, в черно-белых цветах своей официальной фаворитки, *maitresse en titre*, Дианы де Пуатье и верхом на коне по имени Мальер⁸, взял верх в нескольких поединках. Диана присутствовала и радовалась победам монарха. Королева Екатерина Медичи, которая, пускай муж надел цвета соперницы, тоже наблюдала за турниром, попросила Генриха прервать выступления под предлогом жары, но король ответил, что должен провести еще три поединка, как предписывают правила. Он успешно справился с герцогами Савойским и де Гизом, но затем ему бросил вызов молодой гугенот Габриэль де Монтгомери, граф Лоржеса, капитан королевской шотландской стражи²². Первое столкновение не выявило победителя, и, возможно, турнир следовало на этом закончить. Но Генрих отказался положить копье, воскликнул: «Я хочу отомстить!», потому что Монтгомери едва не ссадил монарха с коня. Он снова напал на графа, и на сей раз столкновение вышло столь яростным, что деревянные копья сломались, а оба бойца рухнули наземь. Монтгомери вскоре поднялся, а вот Генрих лежал недвижимо и истекал кровью. Кусок дерева длиной четыре дюйма торчал из забрала королевского шлема. Монтгомери умолял, чтобы его покарали за явное преступление, но король, очнувшись, даровал ему прощение. Затем Генриха перенесли в ближайший королевский дворец, ветхий *Maison Royale des Tournelles*, получивший свое название из-за многочисленных башенок и возведенный в конце четырнадцатого века канцлером Франции Пьером д'Оржемоном. К королю призывали величайшего хирурга эпохи,

⁸ Злополучный (*фр.*).

бельгийца Амбруаза Парэ, которого направил из Брюсселя Филипп Второй, а также анатома Андреаса Везалиуса, лучшего врача тех лет, который служил сперва императору Карлу, а после его сыну королю Филиппу²³. Присутствие у постели раненого двух столь выдающихся людей, служивших вдобавок двум противоборствовавшим монархам, и вправду доказывало, что в Европе наступил мир. Увы: пускай он временно приободрился, попечением этих даровитейших врачей, король Генрих умер 10 июля²⁴ – в расцвете сил, всего сорока одного года от роду. Он оставил сиротами четверых малолетних сыновей, ни один из которых не был готов править королевством.

Тем самым власть над Францией перешла к скорбящей вдове Генриха, умной и решительной Екатерине Медичи, правнучке Лоренцо Великолепного, правившего некогда во Флоренции. Ее правление длилось почти тридцать лет. Среди первых действий Екатерины в качестве регента стоит упомянуть снос дворца Maison Royale des Tournelles, где скончался король²⁵. Она перебралась в Лувр, где и жила с тех пор. На месте же снесенного дворца сначала разбили лошадиный рынок, а затем, в апреле 1612 года, здесь появилась площадь Пляс-Рояль, ныне известная как Площадь Возегов. Виктор Гюго говаривал, что этой привлекательной площадью, на которой проживал он сам, мир обязан копыю Монтгомери²⁶.

Герцог Альба написал королю Филиппу об этой трагедии на следующий день после смерти Генриха²⁷. Покойный король Франции восхищался Филиппом и велел своим придворным поступать так же, несмотря на войну с Испанией. Дочь Генриха Елизавета, как уже упоминалось, вошедшая в историю как «Королева мира» из-за ее брака с Филиппом, принесла Франции политический успех, поскольку ее помолвка не позволила испанскому монарху заключить брак с другой Елизаветой, новой королевой Англии, хотя Филипп делал предложение (и был отвергнут в октябре 1558 года)²⁸.

«Французы наперебой торопятся выказать на словах всемерное уважение Вашему Величеству, – писал герцог Альба месяцем ранее. – Те, кто окружает короля, не в состоянии произнести даже трех слов без того, чтобы не упомянуть о любви и почтении, какие наихристианнейший монарх [Генрих] питает к Вашему Величеству, и о том, что он готов помогать Вам во всяческих начинаниях. Возможно, в этом нет и толики лукавства, поскольку подобные умонастроения видятся вполне разумными. Также возможно, что французы так рвутся участвовать в предприятиях Вашего Величества потому, что опасаются, как бы эти предприятия не обернулись гибелью их страны»²⁹.

Король Филипп, в отличие от подданных, вернулся из Брюсселя на родину к августу 1559 года³⁰. С тех пор, не считая двух лет в Лиссабоне в 1580-х, после превращения Португалии в испанскую «сатрапию», он неизменно, до конца своей долгой жизни, оставался в Испании, причем проживал почти постоянно в мрачном, напоминавшем монастырь дворце Эль-Эскориал (куда окончательно перенес двор в 1571 году) в деревушке у подножия гор Гвадаррама; этот дворец построили в ознаменование побед над Францией в 1558 году, и потому Филипп мнил себя «жандармом Европы» – и вел себя соответственно³¹.

Роль «жандарма» испанскому королю помогала играть армия, насчитывавшая от 50 000 до 60 000 человек³². При этом король Филипп являлся жандармом не только Европы, но и обеих Америк. Венецианский посланник Антонио Тьеполо именовал Филиппа «мировым арбитром»³³. В 1560 году казалось, что правитель Испании и вправду сделался правителем целого мира.

Книга первая Старая Испания

1. Король Филипп II: просвещенный деспот

Филипп, милостью Божией король Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севиллы, Сардинии, Кордовы, Мурсии, Хаэна, Альгарве, Альхесираса, Гибралтара, Канарских островов, островов Индии и материка Океанского моря⁹, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта и Милана, граф Барселоны, Фландрии и Тироля, господин Бискайи и Молины, герцог Афин и Неопатрии, граф Руссильона и Серданы, маркиз Ористана и Гочано...

Из титулатуры монарха в ответ на посвящение ему Эрсильей стихотворения «La Agaисана», 1569 год

Новая правительница Испании, «Королева мира» Елизавета Валуа прибыла в Памплону в январе 1560 года, вскоре после того, как король Филипп тоже вернулся в Испанию после своих многочисленных поездок по испанским владениям в Северной Европе. Елизавета, четырнадцатилетняя девочка, отличалась смуглой, «итальянской» кожей, что напоминала о предках-Медичи. Жизнерадостная и миловидная, она отнюдь не была красавицей в полном смысле этого слова – во всяком случае, так полагал венецианский посланник. Оба супруга как будто радовались своему союзу, пускай король Филип был на двадцать лет старше своей новой жены. Елизавета слала своей матери, Екатерине Медичи, восторженные отзывы о короле. Балы, охоты, рыцарские турниры и бои быков устраивались чередой в честь бракосочетания. Королевская чета приехала на карнавал в Толедо в 1560 году и остановилась в алькасаре¹⁰. Празднества продолжились. Затем новобрачные посетили Аранхуэс, где Филипп даровал местным властям разрешение приступить к перепланировке сада. Король даже расстался со своей любовницей, Евфрасией де Гусман, которая, будучи беременной (возможно, от монарха), поспешно вышла замуж за Антонио Луиса де Леона, третьего принца Асколи и равного ей по положению неаполитанца. Дочь Евфрасии от короля впоследствии счастливо жила при испанском дворе, а сама Евфрасия основала монастырь для августинцев-реколетас¹¹.

Одним из значительных последствий испанских военных побед во Фландрии стало поручение архитектору Хуану Баутисте де Толедо возвести в память об этих триумфах новое религиозное сооружение, большой иеронимитский монастырь в предгорьях Гвадаррамы. Так закладывался, по сути, фундамент Эскориала.

Баутиста де Толедо, как мы видели в «Золотом веке», постигал ремесло в Италии, сперва в Риме, а затем в Неаполе, где трудился на службе могущественного наместника Педро де Толедо, маркиза Вильяфранка, который надзирал за испанским владычеством в Средиземноморье. Этот маркиз многое сделал для украшения Неаполя. Ему помогал в этом Баутиста де

⁹ В европейской истории достаточно долго бытовало унаследованное от древних римлян представление о двух морях – Средиземном («нашем», или внутреннем, Mare Nostrum) и Океанском, опоясывающем землю. Лишь в XVI–XVII столетиях сформировалось представление об океане как водном пространстве, намного превосходящем морское и отличным от последнего. Среди наград, которых удостоился Х. Колумб за свои плаванья, был и чин «адмирала Океанского моря».

¹⁰ Букв. «крепость», замок; в Испании так называли городские крепости, возведенные арабами, и дворцы их постройки.

¹¹ Реколеты – ветвь августинцев-эремитов (отшельников), ратует за аскетизм и более продолжительные посты, а также за служение в сельской местности.

Толедо, который также работал бок о бок с Микеланджело в Ватикане. Можно сказать, что сотрудничество между Италией и Испанией в эти годы было весьма тесным и крайне позитивным.

В 1560 году Филиппу исполнилось тридцать два года. Он родился в Вальядолиде, в городском доме Бернардино Пиментела, графа-герцога Бенаvente, в мае 1527 года. Семейство Бенаvente проживало по соседству с громадной доминиканской церковью Святого Павла, которую отец новорожденного Карл, да и другие люди, воспринимали как собор. Мальчика крестили Филиппом (Фелипе) в честь щедрого на посулы и дары¹² деда Филиппа Красивого Нидерландского, который принял титул и имя короля Филиппа I после женитьбы на Хуане Безумной, королевой Испании по праву рождения. Молодой герцог Альба, советник императора Карла по многим вопросам, как и впоследствии советник его сына, предлагал назвать мальчика Фернандо, в честь другого деда, «католического короля» Фердинанда. Но младенца все-таки назвали Филиппом.

Матерью Филиппа была прекрасная, умная и нестигаемая императрица Изабелла, дочь португальского короля Мануэла Счастливого. Она приходилась ближней двоюродной сестрой своему супругу, императору Карлу, и обычно ее окружали португальские друзья и придворные³⁷.

При этом главным наставником юного Филиппа в политике оказался испанский дворянин Педро Гонсалес де Мендоса³⁸, сын знаменитого герцога Инфантадо, который считался дедушкой (или, по крайней мере, патриархом) всей испанской аристократии¹³. Также мальчика воспитывал Хуан де Суньига, который, будучи неоспоримым авторитетом, сумел вдобавок заразить Филиппа своей страстью к охоте. Суньига, родившийся в 1488 году, был сыном Педро де Суньиги-и-Веласко, графа Миранда, и, таким образом, принадлежал к великому семейству Эстремадура³⁹. Он приходился ближним кузеном Хуане, второй жене прославленного завоевателя Эрнандо Кортеса⁴⁰.

В молодости Суньига стал другом и верным сторонником непризнанного короля Филиппа I, а с 1506 по 1517 год находился во Фландрии, занимая незначительные должности при королевском дворе. Он стал *samarlengo*, постельничим, молодого принца и будущего императора Карла, в 1511-м, а затем сделался *samarego*, или камергером. К 1520 году он уже считался главным советником короля Карла и *el ayo del príncipe*, наставником принца. Суньига долгое время пользовался полным доверием Карла: в 1522 году император направил его послом в Португалию, чтобы он расстроил планы мятежников, укрывшихся в этой стране⁴¹. Его также призвали в Лиссабон проработать мельчайшие детали бракосочетания Карла и Изабеллы Португальской. Он принял сторону Бартоломе де Лас Касаса в знаменитом споре с архиепископом Родригесом де Фонсекой о том, как надлежит обращаться с индейцами (1519)⁴², а позднее крепко сдружился со всемогущим секретарем императора Карла Франсиско де лос Кобосом.

Несмотря на это взаимное доверие, в 1541 году в тайном наставлении Филиппу император Карл указывал, что Суньига завидует Кобосу и герцогу Альбе, поскольку его печалит, что в его распоряжении слишком мало императорских щедрот. (Ниже император приписал, что Суньигу утомляют и изводят жена и многочисленные дети.) Однако Карл при этом признавал, что у Филиппа «не будет советчика надежнее дон Хуана»⁴³. Франсиско де лос Кобос как-то записал, что «дон Хуан де Суньига упорно трудится на себя самого. Я вовсе не подразумеваю,

¹² Не имея прочного положения в Испании и стремясь лишить трона свою душевнобольную супругу королеву Хуану, Филипп использовал все возможные средства, включая прямой подкуп, чтобы добиться расположения испанской знати.

¹³ Этот титул носил представитель семейства Мендоса, тесно связанного семейными узами со множеством других аристократических испанских родов. Среди потомков первого герцога Инфантадо (Диего Уртадо де Мендоса-и-Фигероа) 7 рыцарей ордена Золотого руна, а 13-й герцог Педро де Алькантара Альварес де Толедо в 1823 году фактически стал премьер-министром Испании.

что он действует против меня, и менее всего желаю пробудить подобные подозрения таким замечанием. Но мне думается, что он жаждет полноты власти и не обращает ни малейшего внимания... на остальных из нас... прилагая все усилия к тому, чтобы сделаться единственным советником; это его усердие и упорство всем бросаются в глаза. Суровость и строгость, с которыми он воспитывал принца, превратились в покладистость и стремление угождать, и все это проистекает из лести, каковой он намерен добиться своей цели»⁴⁴. Другого мнения о Суньиге придерживался циничный, но умный придворный Энрикес де Гусман, который считал графа другом: «Он поистине достоин уважения»⁴⁵.

Суньига женился на девушке из рода королевских советников, его женой стала Эстефания де Рекесенс, дочь Луиса де Рекесенса, капитана испанского флота, что служил под началом «Гран-капитана» Гонсало Фернандеса де Кордобы в Италии, а также был королевским поверенным в Барселоне. Эстефания оказалась для Филиппа кем-то вроде приемной матери, и обычно мальчик оставался с нею, когда бывал в Барселоне. Собственный сын Эстефании, тоже Луис, в детстве был товарищем принца по играм и часто исполнял его поручения в дальнейшем – в частности, служил послом в Риме в 1550-х годах и был наместником в Нидерландах в 1570-х. В молодости над Луисом потешались при дворе за каталонский акцент. Но он принадлежал к числу наиболее верных сторонников Филиппа.

С апреля 1535 года, когда ему исполнилось всего семь лет, Филипп обзавелся собственным домом, отдельным от королевского. Именно там он получал образование. Император Карл, который столько времени проводил за пределами Испании, своего основного владения, долго довольствовался восторженными откликами об успехах сына в учебе⁴⁶. Епископ Силисео (Хуан Мартинес де Гуйхарро) писал в марте 1540 года, что Филипп «значительно улучшил навыки латыни и не говорит ни на каком другом языке во время занятий»⁴⁷. На самом деле принц так и не освоил толком латынь, во всяком случае, говорил на этом языке не лучше отца. Зато он уделял внимание музыке – это «родовое» увлечение Габсбургов, – популярным песенкам, а также мавританским и французским танцам. Луис Нарваэс из Гранады⁴⁸ стал его наставником в музыке и научил Филиппа играть на виуэле (*vihuela*), этакой большой и примитивной гитаре⁴⁹. Сестры мальчика тоже любили танцевать и научили его многим песням. Однако уже в 1540 году выяснилось, что «более всего он предрасположен к охоте»; блуждая по сельской местности, Филипп мог обдумывать свои мысли, свои страхи и мечты (это снова наблюдение – точнее, суждение – епископа Силисео).

Неизвестно, играл ли сам Филипп на музыкальных инструментах или пел, но он отличался несомненным слухом и собрал любопытную коллекцию инструментов, где среди прочего были десять клавикордов, тринадцать виуэл и шестнадцать волюнок⁵⁰. Также он обладал 219 канторалами, сборниками хоровых песен (всякий хорист на службах предпочитал пользоваться собственным экземпляром). Филипп невысоко ценил великого Палестрину, отдавая предпочтение старомодным напевам. Однако «*Liber Secundus Missarum*» (*Missa Papae Marcelli*)¹⁴ Палестрины, опубликованная в 1567 году, оказалась посвященной Филиппу⁵¹. Многие музыканты тогда, кстати, состояли при королевском дворе, и в Испании их число доходило едва ли не до 150 человек; эта цифра намного выше цифр во Франции, Англии и даже в Ватикане.

Тщедушный Силисео, заклятый враг испанских евреев, вскоре отправился епископом в Картахену – император Карл довольно неожиданно решил, что церковник «слишком ему [Филиппу] потакает». На смену Силисео явились Хуан Кристоаль Кальвете де Эстрелья, новый наставник принца в латыни, и полемист Хинес де Сепульведа, убежденный недруг Лас Касаса, нанятый преподавать историю и географию (опасные предметы, если обучать им

¹⁴ «Вторая книга месс» (лат.). «Месса папы Марцелла», одно из наиболее известных сочинений Палестрины, является частью этого сборника.

берется столь предвзятая личность). Кальвете, всего четырьмя годами старше Филиппа, подбирал для принца книги и сопровождал его в ходе государственных визитов в Италию, Германию и Нидерланды в 1549 году, а затем они вместе поехали в Англию в 1554 году, ради женитьбы Филиппа на королеве Марии⁵². Позднее Кальвете стал первым биографом могущественного испанского проконсула в Лиме Педро де ла Гаски⁵³.

Находчивый искатель приключений Энрикес де Гузман полагал – несомненно, являя в своих мемуарах подобострастное желание угодить, – что уже в четырнадцать лет Филипп выделялся «несравненным изяществом манер, непоколебимой отвагой, весьма разумным восприятием жизни, благочестием, искренностью и уравновешенностью», а также «знанием о том, как все надлежит устроить правильно»⁵⁴. Еще он добавлял, что Филипп был красив лицом, а вот ростом не вышел, и был «образованным, приветливым и чрезвычайно серьезным, словно взрослый, как и подобало будущему императору»⁵⁵.

После ранней кончины императрицы Изабеллы (1539) при очередных родах и нового отбытия в Германию императора Карла Филипп вновь очутился под сильным влиянием Суньиги. В 1543 году домашнее хозяйство Филиппа насчитывало 110 человек, включая писца, врача, носильщиков и конюхов, а также одиннадцать капелланов (во главе с Силисео, вернувшимся из Картахены). Кроме них имелись постельничии и повара с кухарками, напроочь отвергавшие рыб, что отнюдь не было редкостью в те времена, зато охотно потчевавшие принца мясом, хлебом, курятиной и яйцами; в рацион принца входили вдобавок листья салата и ман-дарины, а раз в неделю подавали фрукты – апельсины зимой, груши летом. Порой на столе молодого человека появлялось пиво, но после 1551 года все чаще стали выставлять вино (обыкновенно касалью из Сьерра-Морены, излюбленный напиток конкистадоров). Филиппу прислуживали почти семь десятков пажей, все сыновья знатных дворян. Позже двор принца разросся до полутора тысяч человек, в значительной степени лично отобранных герцогом Альбой, который подвизался и в качестве главы домохозяйства (*majordomo*). Помимо забот о принце, эти люди занимались государственными делами – и фактически составляли центральный аппарат государственной службы Испании.

Кобос писал императору о Филиппе в 1543 году:

*Филипп уже настолько преуспел в постижении королевского удела, что своими познаниями и поступками намного опережает свои годы [принцу тогда было шестнадцать лет], ибо он склонен добиваться невозможного благодаря поистине великой проницательности и неоспоримому дару предвидения. Он обретает счастье в неустанной преданности делам и заботам о благе королевства. Он всегда думает о благом управлении и о справедливости, не покидает залы заседаний... не отвлекается во имя праздности, не падок на лесть и не подвластен иным порокам. Он неизменно обсуждает вопросы государственной важности, причем со зрелыми людьми, достойными всяческого уважения. Если необходимо с кем-либо встретиться, он внимательно выслушивает мнения всех присутствующих, внемлет с поразительным тщанием... Часто просиживает со мною за закрытыми дверями... и так же поступает с главою королевского совета, Фернандо де Вальдесом, архиепископом Севильским и великим инквизитором, с которым говорит о справедливости. А затем идет к герцогу Альбе обсуждать войну... Я до глубины души поражаюсь его глубоким и продуманным замечаниям*⁵⁶.

Выдающийся французский историк Бартоломе Беннассар считал Вальдеса «прототипом» всех великих инквизиторов⁵⁷. Астуриец по происхождению, Вальдес родился в крохотном городке Салас, в тридцати милях к западу от Овьедо, на дороге в Галисию. С инквизицией он начал сотрудничать еще в 1524 году. В 1539-м Вальдес сменил кардинала Таверу во главе совета Кастилии, а в 1547-м возглавил совет инквизиции. Быть может, вследствие того, что

он поддерживал тесные отношения с Кобосом, его считали потенциальным регентом королевства, когда Филипп и император Карл покинули страну в 1554 году. Вальдес оставался великим инквизитором до самой смерти, уже восьмидесятилетним старцем, в 1568 году. К тому времени он подобрал себе ученика с отменной богословской подготовкой – Мельхора Кано.

Задолго до триумфа Вальдеса Филиппу довелось пережить очередную личную трагедию. Летом 1545 года его молодая первая жена и ближняя кузина, Мария Мануэла Португальская, умерла в возрасте восемнадцати лет, произведя на свет принца Карла («Дона Карлоса»). Подобно матери самого Филиппа, она была инфантой Португалии. Алонсо де Улуа уверял, что королева умерла, поскольку ее фрейлины, Мария де Мендоса и герцогиня Альба, отправились наблюдать аутодафе, а слуги, сплошь лютеране и португальцы, подали Марии лимон, которым она и подавилась. Скорее всего, впрочем, она умерла от послеродовой лихорадки, вызванной инфекцией матки; это была наиболее частая причина смерти беременных и родивших женщин в те дни⁵⁸.

Второй супругой Филиппа стала Мария Тюдор из Англии, женщина, руки которой для своего сына усердно добивался император Карл, который рассматривал этот брак как способ покорить Англию. Испытания, выпавшие на долю Филиппа в этом случае, наглядно демонстрируют, сколько велика была власть Карла. Мария, будучи на одиннадцать лет старше Филиппа, ясно дала понять, что не желает ни малейшей близости. А сам Филипп между тем наверняка ощущал насущную потребность в появлении на свет большего числа младенцев королевской крови, дабы обеспечить трон наследниками.

Вообще этот брак не сулил выгод ни одной из сторон. Но на свадебном пиру в Винчестере Филиппа все-таки провозгласили королем Англии; это случилось в 1554 году, о чем, как правило, забывают⁵⁹.

После смерти Марии в 1558 году (судя по всему, кончину ускорила злокачественная опухоль) Филипп как будто позволил себе насладиться несколькими месяцами благословенного одиночества во Фландрии. Венецианский посланник в Мадриде Федерико Бадоаро⁶⁰, бесценный свидетель эпохи, писал, что король сильно мучился несварением желудка и «по этой причине начал недавно, по совету докторов, совершать частые прогулки... Он обильно поглощает сладости и пирожные и воздерживается от фруктов и тому подобного, чреватых тем, что они порождают в теле дурные соки».

Другой венецианский дипломат, Антонио Тьеполо, двоюродный брат художника, писал, что Филипп был человеком невысокого роста, с круглым лицом, ярко-голубыми глазами («голубыми глазами лицемера», если вспомнить знаменитое, пускай предвзятое высказывание Ричарда Форда), толстыми губами и «румяной кожей, как у английских моряков»⁶¹. Его повадки, полагал посланник Бадоаро, *выдавали честную натуру. Но он бывает рассеянным с женщинами, любит выходить по ночам, меняя облик [этим нередко забавлялась в те годы вся испанская знать], и обожает охоту во всех ее видах... Он больше склонен к мягкости... нежели к гневу, и выказывает особую учтивость посланникам... Часто делится забавными шутками и любит слушать шутки других. Хотя при дворе допустимо шутить за едой, он не позволяет себе смеяться столь же громко, как в собственных покоях, где хохот стоит громовой... Он уделяет пристальное внимание тому, что ему говорят, но обычно не смотрит на тех, с кем беседует, и наклоняет голову книзу, поднимая взгляд лишь ради того, чтобы повести глазами из стороны в сторону. На все вопросы, обращенные к нему, он отвечает кратко... и его усилия направлены не столько на то, чтобы увеличить свои владения силой, сколько на то, чтобы сохранить их мирными способами. Император правил державой, полагаясь исключительно на собственное мнение, а вот король, напротив, правит, прислушиваясь к мнениям других, пускай и не ставит ни в грош никакой другой народ, кроме испанцев. Советуется он только с испанцами*⁶².

* * *

Филипп сизмальства интересовался архитектурой и проявлял немалый интерес к планировке и реконструкции дворцов, прежде всего монастыря Эскориал, где ему вскоре предстояло прожить много лет в покоях, сильно напоминавших покои его отца в монастыре Юсте⁶³. Другой венецианец, Мигель Суриано, писал, что Филипп *не терпел многолюдья, хотя на людях всегда держался спокойно и полностью владел собою. Ему недоставало чувства юмора и живости нрава, а говорил он обычно очень тихо. Когда люди обращались к нему, их неизменно просили высказываться первыми, и король выслушивал любое обращение до конца. Он был молчалив, учтив и любезен. Хотя, подобно своему отцу, он предпочитал одеваться в черное, нельзя утверждать, что в одежде он тяготел к мрачности. При этом он был чрезвычайно озабочен потребностью в личной чистоте. Потому каждый месяц он появлялся в новом наряде. Однако тщеславия он избегал во всех проявлениях последнего*⁶⁴.

Склонный к помпезности рассуждений историк папства Людвиг фон Пастор, для которого никакая подробность не являлась слишком незначительной и никакое обобщение не казалось слишком смелым, позволил себе довольно негативное суждение о Филиппе в те годы: «Вместо того чтобы действовать, король постоянно размышлял, пытаясь выиграть время и оттягивая необходимость принять решение. Его врожденный абсолютизм проявлялся в одержимости лично вникать в мельчайшие детали процесса государственного управления. Суровый, немногословный, недоступный, король быстро убедил всех, что единственное решение, на которое он способен, – это ничего не решать»⁶⁵. Такая точка зрения видится некорректной, пускай Филипп и вправду часто бывал подвержен сомнениям из-за неуверенности в себе. К примеру, в начале 1569 года он написал печальное письмо кардиналу Диего де Эспиносе, главе Королевского совета:

*Столь много всякого складывается против меня, и это не может не причинять мне боли и не повергать в уныние... Если бы не положение дел в Гранаде [где шла война с морисками]⁶⁶, которое требует неизбывного внимания, не знаю, на что бы я отвлекся... Разумеется, я не гожусь для нынешнего мира. Мне доподлинно известно, что я должен был очутиться в некой иной жизненной среде, не такой суетной, как та, куда меня определил Господь, не такой отвратительной... Молитесь, чтобы на небесах нам была уготована лучшая участь*⁶⁷.

Подобные размышления весьма необычны для коронованных особ. Филипп во многом опирался на поддержку своей матери-императрицы, а позже – на свою жену-француженку, Елизавету Валуа. Он говорил своему канцлеру, маркизу Ландраде, фламандцу по происхождению, что «расходы должны быть такими, какими они были во времена моей матери», то есть экономически обоснованными.

Филипп много путешествовал, за годы своего правления он провел четырнадцать месяцев в Англии, пятнадцать месяцев в Германии, два года и четыре месяца в Португалии, а также пять лет в Нидерландах, не считая довольно длительных пребываний в Италии и Франции. Трудно вообразить себе другого монарха с аналогичным опытом зарубежных путешествий; вспоминается разве что его отец император Карл – или нынешние главы государств, которым свойственно частенько бывать за границей.

Венецианец Бадоаро, которого мы уже цитировали, сообщал о Филиппе, что тот «встает очень рано и занимается делами или ведет переписку приблизительно до полудня. Затем он ест, всегда в одно и то же время, и почти всегда поглощает одну и ту же снесь в примерно оди-

наковых количествах. Вино он пьет из среднего размера стаканов, которые наполняют дважды. В целом его здоровье удовлетворительно. Однако порою его донимают приступы подагры». Эти приступы с годами станут усиливаться и будут причинять постоянный дискомфорт.

Три или четыре раза в неделю Филипп выезжал в сельскую местность, где охотился на дичь и на зайцев с арбалетом. В начале 1560-х годов он навещал королеву Елизавету трижды в день: утром перед мессой; прежде чем приступить к работе и по ночам. Посланник отмечал, что, как и во многих современных спальнях, «у короля и королевы две постели, разделенных щелью в ширину ладони, но из-за покрывал, постеленных сверху, кровать видится цельной». К мессе Филипп ходил ежедневно, но причащался всего четыре раза в год.

Его религиозность была очевидной для любого. Из сорока двух книг рядом с королевской постелью «все, кроме одной, были религиозного содержания»⁶⁸. Король часто повторял: «Служение Господу и мне». Святой, которую Филипп почитал сильнее прочих, была, по-видимому, Богородица Монсерратская, и по этой причине он любил Каталонию (возможно, другая причина заключалась в том, что он любил Эстефанию де Рекесенс). Кроме того, он выказывал немалое почтение Приснодеве Пилар в Сарагосе. Филипп пристально следил за епископскими назначениями и всячески опекал епископов. Он почти всегда поддерживал инквизицию, но оплатил доктору Мартину де Аспиликуэте⁶⁹, знаменитому моралисту и церковному стряпчему, поездку в Рим на защиту архиепископа Каррансы, который в 1558 году опубликовал работу по катехизису, признанную церковью сомнительной. Вдобавок он собрал внушительную коллекцию из более чем 6000 святых реликвий.

Исповедниками Филиппа обычно становились толстяки; достаточно вспомнить францисканца Бернардо де Фреснеду⁷⁰, позднее епископа Куэнка и архиепископа Сарагосы, который был главным духовником короля с 1553 по 1577 год. После него появился суровый доминиканец Диего Родригес де Чавес⁷¹. Как и в случае с исповедниками Карла V, эти духовники нередко делились с королем собственным мнением о делах и проблемах, далеких от сугубо религиозных.

Король владел собранием, включавшим около сотни скульптур, преимущественно античных и в основном из мрамора или бронзы. Среди них имелась дюжина беломраморных древнеримских императорских бюстов, подаренных кардиналом Риччи, а другие двенадцать императорских бюстов прислал благочестивый аскет папа Пий V, Антонио Гисльери, последний понтифик, которого канонизировали. Еще Филипп владел бронзовыми изваяниями из собрания историка Диего Уртадо де Мендосы, который, скончавшись в 1575 году, передал по завещанию все свои сокровища короне. Наиболее ценным предметом в коллекции Филиппа был беломраморный Иисус на кресте работы Бенвенуто Челлини, великого папского скульптора папы из тосканской долины Мюджелло; эту статую Филиппу прислал Франческо Медичи, второй великий герцог Тосканы⁷². Король также приобрел несколько картин голландских живописцев, в том числе ряд знаменитых работ Иеронима Босха, Иоахима Патинира (включая великолепное полотно с Хароном, пересекающим реку Стикс) и Рогира ван дер Вейдена. Эти картины стали основой замечательных галерей фламандской живописи в музее Прадо и в Эскориале.

Еще важнее были полотна Тициана, которые Филипп заказал в 1559 году, включая картины «Диана и Актеон» и «Диана и Каллисто». Также в королевской коллекции имелись работы художника, которые сам Тициан относил к серии «поэзий»⁷³. На момент смерти Филипп владел более чем тысячей картин, в дополнение к тем пятистам преимущественно фламандским полотнам, которые он унаследовал⁷⁴. Автор недавней биографии Тициана, восхитительная Шейла Хейл, называет испанского короля «наиболее щедрым, понимающим и наиболее тонко чувствующим покровителем Тициана за всю жизнь художника»⁷⁵. Вдобавок

Филипп владел и другими собраниями – монет, часов и астролябий, оружия и доспехов, и этим он изрядно отличался от монархов-современников, пускай те тоже испытывали склонность набивать диковинками свои Schatzkammer¹⁵.

Еще Филипп собирал книги. В 1553 году он владел 812 книгами. В 1576 году книг было уже 4545. В 1598 году, на момент смерти короля, в коллекции насчитывалось едва ли не 14 000 книг, в том числе на греческом, древнееврейском и арабском языках. Собрание Филиппа являлось второй по величине частной библиотекой в мире, лишь немногим уступавшей севильской коллекции Фернандо Колона, где, как утверждается, имелось 15 000 книг.

Король и сам баловался литературными опытами. Возможно, он сочинил «Порядок тварей Господних» (1560) и «Разнообразие природы»; оба труда относятся, как бы мы сказали сейчас, к естественной истории. Кроме того, его перу принадлежат, быть может, несколько сонетов.

Как и многие другие люди того времени, Филипп верил, что, если отыскать правильную формулу, можно добывать золото из свинца, и сам экспериментировал с подобными штудиями, а заодно проявлял интерес к бесчисленному множеству прочих наук. Он основал академию математики в Саламанке и выделил средства на приглашение четверых профессоров. Преподавание следовало вести на испанском языке, а не на латыни, как в других университетах. Словом, Филипп вел себя как просвещенный деспот.

Он частенько проявлял щедрость и дружелюбие. Так, в 1564 году, во время торжественного въезда в Барселону в период карнавала, он смешался с толпой. Ему хотелось отделаться от меланхолии, что изводила короля долгие четыре с половиной месяца в угрюмом городке Монсон, где монарху пришлось присутствовать на заседаниях арагонских кортесов. Затем он отправился в Валенсию, где наперебой давались балы, устраивались пиршества и турниры. При этом он не разделял точку зрения своего отца Карла относительно необходимости беспрестанно разъезжать по владениям короны и после возвращения из Нидерландов в 1558 году предпочитал оставаться на одном месте. «Скитания по стране ни полезны, ни достойны», – сказал он своему сыну и возможному преемнику Филиппу (будущему Филиппу III) в 1598 году. Смею предположить, что Филипп ошибался в этом суждении, ведь император Карл V, как и его предшественники, католические короли Фердинанд и Изабелла, многое узнали о местных нравах, тяготах и заботах, обретая кров в самых неожиданных местах.

Даже заклятый враг не упрекнул бы Филиппа в каком-либо деянии, каковое, напрямую или косвенно, не опиралось бы на чувство ответственности короля за своих подданных. Однако, будучи недоверчивым по природе, он, к сожалению, подозревал в дурных умыслах двух умнейших мужчин своего рода – сводного брата, дерзкого дона Хуана, незаконнорожденного сына императора⁷⁶, и его племянника Александра Фарнезе, выдающегося полководца и сына Маргариты Пармской⁷⁷. Вдобавок Филипп стремился, похоже, к тому, чтобы нанимать в секретари людей покладистых, вроде Руя Гомеса де Сильва (принца Эболи) или, позднее, Матео Васкеса.

Врожденная осмотрительность Филиппа сказывалась и на его образе правления. В этом отношении он оказался полной противоположностью своего отца, который часто рисковал, порою с катастрофическими результатами, и, случалось, рисковал понапрасну. Филипп же уделял большое внимание институтам, через которые он управлял королевством, что год от года становилось все больше. Но, рассуждая об этих институтах, мы должны помнить, что Филиппа с юности всегда сопровождали птички в клетке и что он был готов сотворить что угодно, «при условии, что это могло быть сделано в его стране», если цитировать Суньигу⁷⁸. Он не держал телохранителей. Ему нравилось, когда к нему обращались «сеньор», а не «ваше величество» (а

¹⁵ Сокровищницы (нем.).

император Карл, к слову, настаивал на втором варианте). Он не любил корриду, но никогда не осуждал ее публично, сознавая, что это популярное развлечение⁷⁹.

В Саламанке, еще до первого брака с Марией Португальской, Филипп часто слушал лекции в университете. Возможно, ему довелось побывать на выступлениях великого богослова Франсиско де Витории, основоположника международного права.

Итак, пытаясь определить место Филиппа в истории, нужно помнить о его нетипичной для монархов любви к искусству. Он был противоречивым человеком, интеллектуалом, горячо любившим свою страну, и страстным охотником, а также коллекционером. Эти противоречия были столь же разнообразны, как и его интересы.

2. Король Филипп: монарх-бюрократ

Любовь, каковую я всегда питал к этому королевству, сердцу моих владений, стране, где я родился, где меня вырастили и где я начал править еще при жизни императора, моего отца и сюзерена... понуждает меня возвратиться в эти края, повидать их снова и помочь им, оставив родовые владения во Фландрии и Италии, пусть и те, разумеется, немаловажны. Мои любовь и уважение обращены сюда.
Филипп II в 15581 году⁸⁰

Как и Фридрих Великий в Пруссии восемнадцатого столетия, Филипп II предпочитал, чтобы все полезные сведения и все новости поступали к нему в письменной форме. Исходя из этой своей привычки, в 1566 году он заказал обзор Испании, «Relación topográfica», основанный на ответах представителей власти на местах на пятьдесят семь вопросов. Это был самый полный обзор, составленный в то время для европейского монарха, пожелавшего узнать, как обстоят дела в его собственном королевстве. В 1570 году Филипп также пригласил из Брюсселя неплохого пейзажиста Антона ван ден Вингерде сделать зарисовки главных городов Кастилии⁸¹. Франсишку Домингешу⁸², ботанику из Португалии, поручили составить аналогичный комплексный отчет о Новой Испании, колониальных владениях короны в Новом Свете, а Хуана Лопеса де Веласко назначили «космографом» и историком Америки⁸³. В 1576 году Филипп одобрил список из сорока девяти вопросов, на которые надлежало ответить всем испанским чиновникам в Америке. Результаты «географических изысканий» стали публиковаться со следующего года.

Уже в 1560 году Филипп начал подумывать о превращении Мадрида в столицу своего королевства⁸⁴. Он успел к тому времени повидать королевские дворцы других монархов в Северной Европе; располагал зарисовками этих дворцов и, как упоминалось выше, велел призвать ко двору архитектора Баутисту де Толедо. Эти устремления короля проистекали из следующих соображений: будет намного полезнее иметь все правительственные документы в одном месте; любой, кто так или иначе связан с документами, выскажется за наличие общего дома для них. В качестве регента Филипп в 1545 году предпринял первые шаги по преобразованию крепости Симанкас в национальный архив. Сама эта блестящая идея принадлежала главному секретарю императора Карла Франсиско де лос Кобосу.

Портреты короля Филиппа весьма многочисленны. Есть портрет принца Филиппа в доспехах кисти Тициана (1550, ныне в Прадо) и восхитительное полотно того же художника с изображением Филиппа, предлагающего своего сына Фернандо в жертву небесам после победы при Лепанто в 1571 году над войском османов. Последняя картина одновременно аллегорическая и весьма, если угодно, человечная, при этом в ней достаточно жизненных подробностей. Для картин того периода подобное сочетание характеристик крайне нетипично. Кроме того, есть портрет Филиппа в доспехах кисти Антонио Моро (1557, Эскориал, «Сен-Кантенский портрет»). Безвестный скульптор изваял беломраморный бюст короля, который находится в Музее скульптуры в Вальядолиде и датируется ориентировочно 1550 годом; бюст, кстати, демонстрирует цепь ордена Золотого руна. В 1565 году итальянка Софонисба де Кремона написала замечательный портрет Филиппа II с четками (ныне также в Прадо)⁸⁵, а в 1550-м валенсиец Алонсо Санчес Коэльо изобразил короля в доспехах (сегодня портрет выставляется в экспозиции коллекции Стерлинга Максвелла в Эдинбурге). Еще один портрет кисти Санчеса Коэльо – Филипп в черном в возрасте шестидесяти лет⁸⁶ – был написан в 1587 году и хранится в Палаццо Питти во Флоренции. Наконец, мадридский художник Хуан Пантойя де

ла Крус запечатлел Филиппа в старости (1597, картина в Эскориале)⁸⁷. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать короля на каждом этапе его долгой жизни.

Секретари Филиппа исполняли обязанности современных министров. Первым среди них был Гонсало Перес, бесценный советник, переписчик на латынь при личном секретаре императора «эразмианце»¹⁶ Альфонсо де Вальдесе до 1532 года. Переса королю рекомендовал де лос Кобос. Английский историк двадцатого столетия Генри Кеймен утверждает, что Перес был «грубым и склонным повелевать священником-карьеристом». Вдобавок он принадлежал к гуманистам и был *converso* (обратившимся в христианство евреем) по происхождению⁸⁸. Перес занимал различные второстепенные церковные должности, прежде чем присоединиться к окружению Филиппа в 1543 году. В том же году его назначили секретарем Государственного совета, где он оказался единственным придворным с университетским образованием. Сам Перес признавался: «Я хворал последние несколько дней, но это не мешало мне исправно являться на заседания, поскольку решения принимались настолько неспешно, что и калека бы успел к их принятию. По правде сказать, шестнадцать советников настолько различались между собою в опыте и во всем прочем, что я не понимал, как они способны договориться. Полагаю, рано или поздно Е. В. прозреет и сам решит, что следует сделать». Четыре года спустя Перес писал о рабочих привычках своего господина: «Во многих отношениях Е. В. допускает и впредь будет допускать ошибки, поскольку он обсуждает вопросы с несколькими людьми, не с одним, затем с другим, скрывая что-то от одного и раскрывая другому, и потому ничуть не удивительно, что возникают споры и даже противоречия... Это наверняка способно причинить немалый вред». Филипп однажды написал Пересу по поводу представленного доклада: «Буду откровенен, я не понял ни единого слова. Не знаю, как поступить. Должен ли я отправить документ на просмотр кому-то еще? Если да, то кому именно? Времени мало. Жду вашего совета»⁸⁹. В подобных комментариях король часто и нелестно отзывался о самом себе и о своей работе.

Перес скончался в 1566 году, когда Филипп уже провел на троне десяток лет. Ему наследовал сперва по-кошачьи обаятельный и честолюбивый сын Антонио, а затем ставленник герцога Альбы Габриэль де Зайас⁹⁰.

Другим значимым секретарем-министром Филиппа был Руй Гомес, принц Эболи, глава португальской семьи Силва, которая притязала на происхождение от римского царского дома Альба-Лонга¹⁷. Мать Руя Гомеса прибыла в Кастилию в свите императрицы Изабеллы, дядей Гомесу приходился Руис Тельес де Менес, майордом императрицы, а сам Гомес сопровождал императрицу в качестве пажа на бракосочетание в 1526 году и в детстве был товарищем Филиппа по играм. Самоотверженный, но самолюбивый, Гомес всегда хранил верность королю. Своим карьерным успехом он был обязан способности добиваться чего угодно благодаря хорошим манерам⁹¹. Никто и никогда не обвинял и не подозревал его в преследованиях или в насилии. Его власть зависела, во-первых, от близости к королю (он был *similler*, камергером, и в его обязанности входило будить монарха по утрам и желать тому доброй ночи вечерами); во-вторых, от давнего знакомства с королем, пускай он был на десять лет старше Филиппа; в-третьих, от занимаемой им должности старшего контадора, фактически главного бухгалтера, что позволяло контролировать платежи.

На Эболи можно было положиться. А вот его знаменитая одноглазая красавица жена Ана доверия не внушала, хотя принадлежала к семейству Мендоса и была правнучкой карди-

¹⁶ То есть стороннике идей, которые высказывал гуманист Эразм Роттердамский.

¹⁷ По преданию, город Альба-Лонга недалеко от Рима был основан Асканием, сыном легендарного Энея; позднее Асканий принял имя Юл и стал основателем рода Юлиев. Вероятно, семейство Силва (в португальском варианте «л» в этой фамилии не смягчается) возводила свое происхождение именно к роду Юлиев, то есть к Цезарю и императору Октавиану. Согласно античным авторам, древние римляне захватили и разрушили Альба-Лонгу в середине VII века до н. э.

нала-архиепископа, который, как уверяла молва, был третьим правителем Кастилии при католических монархах Фердинанде и Изабелле⁹². Ана располагала множеством сведений о людях и местах. Похоже, Эболи немного отодвинули от трона в 1564 году, когда его назначили камергером дона Карлоса, но Филипп заверял секретаря, что питает к нему величайшее доверие и просто не может себе позволить приставить к сыну менее ответственного человека. Так или иначе, Эболи изрядно огорчился. Он скончался в 1573 году, и приблизительно в это же время его жена стала confidentкой (по меньшей мере) Антонио Переса.

В составе королевского «кабинета» присутствовали и другие важные чиновники и советники; прежде всего следует назвать Фернандо, третьего герцога Альбу⁹³. В 1559-м Альбе исполнилось пятьдесят два года. Он достиг могущества в правление императора Карла, который после победы при Мюльберге стал считать герцога единственным заслуживающим доверия полководцем и попросил его стать майордомом королевского двора; эту должность он сохранил при Филиппе, и она позволяла ему эффективно управлять двором. Кроме того, Карл поручил Альбе ввести при дворе строгий бургундский церемониал, и герцог преуспел и здесь, хотя сам эту затею не одобрял. У Альбы всегда были хорошие итальянские связи, поскольку его дядя Педро, маркиз Вильяфранка, многие годы являлся вице-королем Неаполя, а дочь Педро Леонора вышла замуж за Козимо де Медичи, первого великого герцога Тосканы. Другой дядя Альбы, Хуан, занимал кардинальскую должность в Риме.

За Альбой закрепилась слава непреклонного аристократа, который никогда не избегал жестких решений, и он в полном соответствии с этой репутацией посоветовал королеве Екатерине Французской в 1565 году казнить всех вожаков-протестантов. Он и вправду отличался суровостью нрава, но у герцога было не отнять и многих человеческих качеств. Насколько известно, он разделял с простыми солдатами все тяготы армейской жизни, а потому в войске его любили. Он водил дружбу со многими шалопаями, вроде придворного и мемуариста Энрике-са де Гусмана. В молодости Альба был другом, а также покровителем Гарсиласо де ла Веги, поэта куртуазного рыцарства, который вывел герцога (не слишком лестно) в образе пастуха Альбанио в своей второй эклоге⁹⁴. В пожилом возрасте Альба умело сочетал достойное величие и невозмутимую неформальность, скажем так, духа.

Детство самого Альбы было необычным, ибо его отец дон Гарсия погиб (со славой) при Гельвесе в Северной Африке в 1510 году, и мальчика воспитывал дядя Фадрике, второй герцог Альба. Наставником мальчика был поэт Хуан Боскан Альмогавер (Жуан Бош), близкий друг Гарсиласо де ла Веги. Выполненный Бошем перевод «Придворного» Кастильоне¹⁸ оказался одной из важнейших книг в Испании эпохи Возрождения, и эта книга оказала сильное влияние на будущего герцога. Кроме того – и это удивительно для испанского аристократа, – Альба владел несколькими иностранными языками, знал итальянский и латынь и мог изъясняться на немецком и на французском. Еще он выделялся среди знати своими познаниями в искусстве⁹⁵. Подобно своему господину, Альба был библиофилом, и в его переписке встречаются упоминание о подаренной Библии, а также о картине с изображением архангела Гавриила. В 1570-х через Альбу проходила большая часть королевской корреспонденции с Нидерландами. В 1580 году он заявил, что труд королевских секретарей должен хорошо оплачиваться во избежание коррупции⁹⁶.

Среди прочих советников 1560-х годов необходимо упомянуть кардинала Диего де Эспиносу, прибывшего из города Лас-Посадас в окрестностях Сеговии и происходившего из знатного, но обедневшего рода. Он родился в 1512 году, много лет состоял в различных судебных советах, а затем сделался аудитором инквизиции в Гранаде и главой Королевского совета

¹⁸ Этот трактат Б Кастильоне считается одним из шедевров итальянского Возрождения: в сборнике диалогов выведен образ идеального придворного и показаны изысканные придворные правила. Испанский перевод трактата увидел свет в 1534 г.

(1565). В последующие несколько лет многим казалось, что при дворе все вращается вокруг фигуры высокомерного Эспиносы. В 1568 году он стал великим инквизитором. Король возвысил Эспиносу, поскольку тот доказал свою полезность, хотя бывал неучтив и хамоват со знатными персонами. В 1572 году он умер от апоплексии, завещав Филиппу своего умелого секретаря Матео Васкеса.

Васкес оставался главным секретарем Филиппа на протяжении большей части последних лет жизни короля. Он не обладал смелым воображением и не испытывал тяги к новизне, зато полностью справлялся с возложенными на него обязанностями и потому идеально подходил своему монарху. Придворную жизнь он начал капелланом Кастильского дома, прежде чем перейти на службу к Эспиносе. После смерти Эспиносы Васкес написал в 1573 году сугубо практичное письмо королю. «Создается впечатление, будто у Вашего Величества вовсе нет секретаря, хотя налицо множество бумаг, которые подлежат прочтению или составлению. Это ремесло сулит огромные затраты времени и приложение немалых сил, а потому мы должны опасаться ущерба здоровью, коим чревато сие ремесло для большинства людей, что имеют дело с бумагами». Далее Васкес предлагал себя как человека, который в состоянии справиться со всей входящей корреспонденцией, адресованной королю. Тем самым, уверял он, удастся избежать повторного прочтения для изрядного количества документов. Васкес прибавлял, что будет докладывать королю о любых предложениях, содержащихся в письмах, а также записывать ответы Филиппа и отсылать обратные письма.

Последним из значимых секретарей Филиппа заслуживает упоминания Антуан Перрено, граф Гранвель, сын Николя Перрено, первого графа Гранвеля, выходца из довольно скромной бургундской семьи. Николя, возможно, был сыном кузнеца из местечка Орнан в красивой долине Луэ в Ду¹⁹. Начинал он как латинист и доктор права в парламенте Доля, а затем поступил на службу эрцгерцогини Маргариты, правительницы Нидерландов и любимой тетки императора Карла. Первый Гранвель был посланником империи при французском дворе и провел некоторое время в Испании в качестве представителя эрцгерцогини. Позже он сделался главным информантом Мартина де Салинаса, посла короля Фердинанда, терпеливого брата императора Карла и правителя Австрии. Когда Гранвель умер в 1550 году, император обронил, что у него такое чувство, словно он «потерял свою душу».

Первому Гранвелю во всех отношениях наследовал его сын Антуан, который, будучи титулярным епископом²⁰ Арраса, сочинил, судя по всему, похоже, благородную речь Филиппа для церемонии отречения от трона его отца. С тех пор Филипп неизменно привлекал его в качестве советника, причем не только в политике, но и в сфере искусства: например, он познакомил короля с фламандским художником Антонио Моро. Антуан, второй граф Гранвель, затем сделался главным советником Маргариты де Фарнезе из Пармы, регента Нидерландов. Местная знать возмущалась Гранвелем, жалобу на которого графы Эгмонт и Хорн (Филип де Монморанси) направили испанскому королю в 1562 году. Более того, брат Хорна, барон де Монтиньи (Флорис де Монморанси), лично отправился в Испанию, чтобы представлять интересы голландской знати⁹⁷. Гранвель перебрался в Безансон, на восток Франции, якобы чтобы навестить больную мать, но фактически на несколько лет удалился в добровольную отставку. Вернулся он в 1572 году, уже как вице-король Неаполя. Оттуда он признавался относительно инструкций из Мадрида: «Если бы кому-то грозила смерть, хотелось бы, чтобы она грозила из Испании, поскольку это значит, что она не придет никогда». Гранвель оставался доверенным советни-

¹⁹ Ду – департамент на востоке Франции, бывшая провинция Франш-Конте, до того территория графства Бургундия и владения Австрийского дома (Габсбургов).

²⁰ То есть епископом без соответствующей епархии; такие епископы нередко выступают как апостольские викарии, управляя территориями, на которых по каким-либо причинам пока невозможно учреждение епархии.

ком Филиппа по международным делам, и, к слову, его отличала способность бегло диктовать на пяти языках.

В начале правления Филиппа в Испанском королевстве насчитывалось одиннадцать советов, из которых старейшим и важнейшим был Consejo Real e Supremo de Castilla (Королевский и верховный совет Кастилии). У этого совета имелись глава и шестнадцать членов, а в его ведении находились все вопросы внутренней политики. Диего Сааведра Фахардо, плодовитый автор и полемист начала семнадцатого столетия, которому выпало представлять Испанию при подписании Вестфальского договора 1648 года, называл Кастильский совет *ojos de poder* (очаи власти)⁹⁸.

Впервые мы находим упоминание об этом совете в 1385 году, после поражения кастильцев от Португалии при Альжубарроте. Во времена Филиппа совет заседал по несколько дней в неделю, но король посещал заседания только по пятницам. Созданный при этом совете Секретариат Кастилии рассматривал просьбы и помилования (*gracia y merced*).

Почти столь же важным для управления страной был Государственный совет (Consejo de Estado), созданный в 1526 году и отвечавший за международные дела⁹⁹. На протяжении многих лет секретарем этого совета, его ушами и глазами был печально известный и прославившийся многими умениями Франсиско де лос Кобос. Его преемниками стали поочередно Гонсало Перес и сын последнего Антонио. Спустя некоторое время Антонио Перес передал ответственность за отношения с Западной и Центральной Европой Габриэлю де Зайасу, а сам сосредоточился на Средиземноморье, в том числе на важнейших итальянских начинаниях. Позже за обоими направлениями приглядывал Хуан де Идьякес, первый из многочисленной когорты баскских чиновников, которые трудились на кастильскую монархию. Король посещал все заседания этого совета и был, безусловно, самым опытным и наиболее информированным человеком в его составе. Главной сферой ответственности совета оставались международные дела, однако порой он занимался и другими вопросами: в частности, завещание императора Карла V вскрыли именно на заседании этого совета¹⁰⁰.

Государственный совет также контролировал сеть посольств, которые отчитывались перед королем: три в Италии – в Риме, Венеции и Генуе; одно в Вене, «штаб-квартире» Священной Римской империи; и три в монархиях Европы, во Франции, в Англии и Португалии. Большинству посланников приходилось оплачивать свои расходы из собственного кармана¹⁰¹.

Совет сословий и совет казначейства также являлись важнейшими звеньями системы управления. Первый контролировал большую часть экономики, тогда как совет казначейства ведал средствами, которые выделялись короне кортесами (равно Кастилии и Арагона)¹⁰², включая сюда налоги с торговли, арендную плату за имущество короны и сокровища, вывезенные из Вест-Индии. Еще имелись пошлины на шелка из Гранады, на соль и на рудники, таможенные сборы, лицензии на посещение Вест-Индии и на доставку туда рабов¹⁰³.

Совет инквизиции и совет *Cruzada*²¹ занимали следующую по важности ступень бюрократической иерархии. Первый из этих двух советов служил наглядным напоминанием о том, что испанская монархия опиралась на религию, и руководил учреждением, которое сменявшие друг друга на престоле правители использовали для обеспечения религиозной стабильности. Великий инквизитор выбирался именно на этом совете, хотя на практике король обычно выдвигал свою кандидатуру, которую затем одобрял папа римский. Второй совет добивался неуклонного роста налога с торговли, размер которого оказывал сильное воздействие на функционирование монархии.

²¹ Крестовых походов (*исп.*).

Два следующих совета, Португальский и Фламандский, возникли позднее, в 1582 и 1588 годах соответственно. Наряду с секретарями этих органов можно отметить появление еще в 1560-х годах королевских помощников, следивших за состоянием дел в обоих регионах.

Такой тип правления через советы был внедрен дальними предками Филиппа, католическими монархами Фердинандом и Изабеллой. В шестнадцатом столетии большинство членов этих советов составляли *letrados*, образованные представители среднего класса, выпускники университетов Саламанки или Вальядолида, а вовсе не дворяне. Да, в составе советов насчитывалось около сотни дворян со звучными титулами (первыми шли великие герцоги, далее маркизы и графы), которые владели большими пространствами земли и управляли своими владениями, словно некоронованные короли, но они (за редкими исключениями, перечисленными выше) не могли соперничать с *letrados* в умении пользоваться государственной властью или манипулировать ею. Они жили отдельно от двора, а не при нем¹⁰⁴. Иногда главы родов обнаруживали, что вследствие укорененного в обществе права первородства вторым сыновьям (*segundones*) не остается иного выбора, кроме как податься в ряды *letrados*. Самой же примечательной чертой жизни в Испании шестнадцатого века являлось большое число клириков, занимавших ключевые посты в различных советах, зачастую посты глав и председателей. Такие люди, как генерал-инквизитор кардинал Вальдес из Астурии и кардинал Фигероа, были ведущими государственными деятелями страны во второй половине столетия.

Филипп II Испанский не был великим, зато был добрым человеком и настоящим королем. Да, ему пришлось терпеть страдания в англосаксонском мире из-за провала английской политики и морской экспедиции (Армада) в 1588 году. Сегодня обычно забывают о том, что он и его советники нередко ратовали за веротерпимость в Англии, а вот суровая супруга короля Мария Тюдор не щадила ни чужих, ни своих. Еще Филиппа помнят как отца-мучителя из оперы Верди «Дон Карлос» и из одноименной пьесы Шиллера. Что ж, эти опера и пьеса – великолепные произведения искусства, но к истории они никак не относятся.

3. Король Филипп и его империя

Люди не вправе судить о помыслах и побуждениях сюзеренов. Им неведомо, сколько глубоко обеспокоен тот или иной король мятежом или актом неповиновения. Они не могут знать причин, государственных или сердечных, каковые способны подтолкнуть монарха к наисвирепейшей мести подданным даже после того, как былой мятеж успокоился и опасность вроде бы сгинула, а потому куда более разумным политически виделось бы смягчение правления. Нет, люди не в силах понять, как королю в его несомненном величии может показаться, что ничто не должно встать между ним и его мстью.

Диего Уртадо де Мендоса. «Война в Гранаде» (1570)

К 1559 году империя короля Филиппа в Новом Свете – в Индиях, как до сих пор именовали новооткрытые земли, – управлялась любопытной бюрократической системой с тремя высшими органами. Во-первых, власть самой Испании олицетворял совет по делам Индий, состоявший из десяти человек, которые заседали на постоянной (с перерывами) основе в Вальядолиде или там, где пребывал в данный момент испанский двор. Во-вторых, политическое управление Новым Светом осуществлялось через вице-королей, губернаторов и прочих государственных чиновников, которых отбирали монарх и совет по делам Индий. В-третьих, речь о судебных главах областей, которые правили через верховные суды (*audiencias*); к восшествию Филиппа на престол в 1556 году их насчитывалось семь: в Санто-Доминго (учрежден в 1511 году), Мехико (1527), Панаме (1538), Лиме (Перу, 1543), Лос-Конфинес (Гватемала, 1543), Гвадалахаре (Новая Испания, ныне Мексика, 1548) и в Санта-Фе-де-Боготе (Колумбия, 1548). Вскоре появились три новых верховных суда – в Ла-Плата-де-Чаркас (Перу, 1562), Кито (Эквадор, 1563) и Консепсьоне (Чили, 1563). Во всех этих судах заседали по пять-шесть судей (*oidores*).

Верховным органом в этом невероятном триумvirате полномочий оставался, как повелось еще с 1520-х годов, совет по делам Индий. Он возник из добровольных собраний тех членов совета Кастилии, кто интересовался Индиями, но вскоре (точно к 1524 году) был сформирован на законных основаниях.

К примеру, назначение наместников и капитан-генералов, а также судей *audiencias*, епископов и архиепископов обеих Америк – все эти вопросы рассматривал именно совет по делам Индий. Кроме того, он являлся высшей инстанцией для апелляций по всем индийским делам, равно гражданским или уголовным, а также административным. Главой совета в 1559 году был Луис Уртадо де Мендоса, семидесятилетний аристократ, который занимал множество важных постов, скажем, вице-короля капитан-генерала Наварры и даже главы Кастильского совета (на последнюю должность вернулся в конце 1559 года, а прожил до 1568 года)¹⁰⁵. Что показательно для человека такого положения, Уртадо де Мендоса начинал свою службу в качестве королевского пажа в 1502 году. Вскоре он воевал за корону в Наварре, затем направился помогать своему отцу, крепко осевшему в Гранаде Иньиго Лопесу де Мендоса, и далее наследовал тому, став наместником после его смерти в 1515 году. С тех пор Луис Уртадо де Мендоса всегда пользовался покровительством короны. Он был среди тех молодых людей, что торжественно несли гроб Фердинанда-католика из Эстремадуры до усыпальницы в соборе Гранады. Позже он надзирал за строительством дворца для Карла V в Альгамбре; император провел там медовый месяц со своей супругой Изабеллой Португальской¹⁰⁶. В 1534 году дон Луис оказался главным планировщиком знаменитого похода императора в Тунис, в котором он участвовал лично. Потом он занялся поисками мирного урегулирования с морисками Гранады и в 1543 году был назначен вице-королем этой провинции. А в апреле 1546 года поддержка Франсиско

де лос Кобоса обеспечила ему председательство в Совете по делам Индий. Сам он не бывал в Новом Свете и потому полагался на рассказы путешественников. Не подлежит сомнению, что дон Луис получал письма от своего младшего брата Антонио, вице-короля Новой Испании; увы, до наших дней эти письма не сохранились.

Первой задачей Уртадо де Мендосы было гарантировать военно-морской эскорт для флотов, что курсировали между метрополией и Новым Светом; командовал военными кораблями лучший флотоводец Испании Альваро де Басан¹⁰⁷. Тем временем его брат показал себя весьма эффективным наместником Новой Испании; возможно, он не хуже справился бы и в Перу, когда бы не внезапная кончина в 1552 году. Именно дон Луис настоял на том, чтобы брат вызвался отправиться в Перу, хотя он уже находился в преклонном по меркам той эпохи возрасте¹⁰⁸.

Возможно, дона Луиса смутило то обстоятельство, что в 1562 году новым главой Кастильского совета, сменив Антонио де Фонсеку, стал Хуан де Вега, протеже португальца принца Эболи. Вега был вице-королем Сицилии и Наварры, а также посланником в Риме. Он отличался благочестием и мягкостью нрава, а его жена, Леонора Осорио Сармьенто, дочь маркиза Асторги, оказалась в числе первых женщин, поддержавших основателя ордена иезуитов, святого Игнатия¹⁰⁹. Так или иначе, дон Луис удалился в свои поместья и пробыл там до возвращения короля Филиппа в 1559 году; к этой практике, кстати, нередко прибегали могущественные дворяне (а герцог Альба и вовсе отточил ее до степени, граничившей с искусством).

Последней важной задачей дона Луиса стало сопровождение Елизаветы Валуа, «Королевы мира», из Парижа в Испанию. Елизавета, напомним, была третьей женой короля Филиппа. Важность этого назначения в сравнении с обязанностями в совете по делам Индий кажется неочевидной. Даже при испанском королевском дворе Францию никто не считал частью Нового Света.

Дону Луису на посту главы совета по делам Индий наследовал Хуан де Сармьенто, прежде судья (*oidor*) и глава канцелярии в Гранаде. Этот уроженец Бургоса, сын графини Улуа, был обязан своим возвышением благосклонности императрицы Изабеллы, которая, собственно, и назначила его судьей в Гранаде. Он присоединился к совету по делам Индий в 1552 году. К тому времени Сармьенто стал «эболистой», то есть сторонником принца Эболи. При этом он оставался человеком с широким кругозором, и в 1550-х годах ему поручили снова расследовать состояние финансов в Каса-де-ла-Контратасьон (см. Глоссарий), а еще он был другом архиепископа Каррансы, вскоре угодившего в опалу, и действовал в его интересах¹¹⁰. Принц Эболи, со своей стороны, не проводил последовательной политики, однако все же имел сторонников и приверженцев.

Сармьенто умер в 1565 году, и во главе совета по делам Индий его сменил Франсиско Тельо де Сандоваль, севильянец, сын Хуана Гутьерреса, известный гражданин южной столицы страны. Тельо можно было поставить в вину и многочисленные бюрократические упущения, и холодность в отношении к людям, зато у него имелось заметное преимущество – редкий для испанского чиновника, связанного по работе с Индиями, опыт фактического взаимодействия с Новым Светом¹¹¹. Его отец и дед были городскими советниками Севильи (*veinticuatro*s, одними из двадцати четырех, как их называли). Он представлял, что означает долгое плавание через Атлантику и обратно, знал, каково находиться на похожем на тюрьму корабле на протяжении нескольких недель, сам проходил через угрозы кораблекрушений и сражался с морской болезнью. Он побывал на Канарских островах по пути в Америку и на Азорах на обратном пути, воочию наблюдал прибытие судна в Новую Испанию (в месте, где ныне расположен процветающий порт Веракрус на побережье Карибского моря), испытал тяготы долгого перехода по суше от прибрежных тропиков до умеренного климата столицы Мехико, бывшего Теночтитлана, мимо Пероте и Пуэблы, а затем вверх и вдоль по знаменитой дороге между вул-

канами. Кроме того, раньше он служил инквизитором в Толедо и председательствовал в верховном суде (канцелярии) Вальядолида. Первоначально будучи ставленником не любившего суеты кардинала Таверы, он начал свою успешную государственную карьеру в Севилье в качестве каноника – это вообще характерная особенность тех времен. В 1543 году Тельо назначили великим инквизитором Новой Испании. На следующий год он отправился туда как *visitor* (колонияльный инспектор), чтобы растолковать и ввести в действие гуманные, но противоречивые «новые законы»¹¹². О нем говорили, что он был образцовым *letrado* с «незапятнанной честью», но, подобно всем инспекторам, он верил, что это назначение обязывает его к небывалым свершениям. Посему он превысил свои полномочия и тем самым облегчил вице-королю Антонио де Мендосе задачу успешно отбиться от всех яростных нападок ретивого инспектора. Сам факт того, что вообще возникли какие-то нападки, вызвал много недовольства в обществе, поскольку Мендоса проявил себя поистине замечательным наместником.

Тельо вернулся в Испанию в 1547 году, а три года спустя, уже в составе совета по делам Индий, вполне логично вошел в число тех четырнадцати мудрецов, которых попросили рассудить знаменитый спор между Лас Касасом и Сепульведой¹¹³. Главой совета по делам Индий он стал в апреле 1565 года, но занимал эту должность лишь до августа 1567 года, когда сделался епископом Осмы, весьма богатой епархии.

Большинство членов совета по делам Индий ко времени восшествия Филиппа II на престол были, что вполне естественно, ставленниками бывшего главы совета Уртадо де Мендосы. В той или иной степени все королевские дворы по образу жизни напоминали Версаль, если вспомнить бессмертное обобщение французского моралиста Сен-Симона, и двор Филиппа отнюдь не был исключением из этого правила¹¹⁴. Посланники из разных стран интриговали, монарх колебался, выслушивая советников, сильные люди подавали в отставку и удалялись в свои поместья.

Другой член совета по делам Индий, Вильягомес, служил судьей под началом Тельо до того, как его отправили в Новую Гранаду (Венесуэла и Колумбия). Он стал главным магистратом Севильи (*asistente*), а затем был назначен комиссаром, то есть главным советником, по вопросу о бессрочности энкомьенд (*comisario de la perpetuidad*). (Как мы помним, *encomienda* в Новом Свете предусматривала передачу в собственность населения, проживавшего на конкретной территории. Это население оказывалось в распоряжении *encomendero*, почти всегда, хотя и не обязательно, испанца. В свою очередь, *encomendero* отвечал за привлечение населения к работе за распространение христианской веры. Споры велись о том, должны ли эти энкомьенды считаться постоянными или права на уступку населения и территорий распространяются всего на одно поколение переселенцев.) Но на самом деле Вильягомес избежал отбытия в Перу, согласившись на должность при кастильском дворе.

Хуан Васкес де Арсе, еще один советник, прибыл из Сеговии. Его отец, подобно множеству государственных служащих того времени, на протяжении многих лет состоял при королевской канцелярии, а это подразумевало своего рода наследственную преемственность должности, что часто случалось в бюрократических кругах в правление Филиппа. Васкес учился в знаменитом колледже Санта-Крус в Вальядолиде и был его ректором. Позже он занял пост в верховном суде Гранады и вел расследование по делу Каса-де-ла-Контратасьон, прежде чем присоединиться к совету по делам Индий в 1556 году¹¹⁵.

Наконец среди прочих бюрократов совета следует отметить Лисенсиадо Грасиано Бривиеску, который также получил образование в Вальядолиде, где некоторое время служил магистратом (*алькальдом*) в канцелярии. Затем сделался королевским капелланом и некоторое время отвечал за создание королевского архива, учрежденного в 1542 году в замке Симанкас. Он помогал формулировать гуманные «новые законы» и был другом Луиса Уртадо де Мендосы. Бривиеску назначили главой верховного суда Санта-Феи в Колумбии. Но, как и Вильяго-

мес, он всячески оттягивал свое отбытие в Новый Свет. Занимался расследованием действий маркиза Каньете в Перу, а в 1560 году покинул совет по делам Индий ради членства в Кастильском совете¹¹⁶.

Почти все чиновники, служившие короне в советах, в том числе в совете по делам Индий, были светскими священнослужителями, которые к концу своей жизни становились епископами. За исключением герцога Альбы, чья фигура виделась как бессмертное напоминание о более раннем типе правления, дворяне, прежде составлявшие костяк администрации Кастилии, к 1570 году все подали в отставку или отказались от назначений.

В Новом Свете аристократы гораздо дольше удерживали за собой наиболее престижные должности. Так, в 1556 году, когда Филипп вззошел на престол, вице-королем Новой Испании был Луис Веласко, тогда сорокапятилетний. Он был вторым вице-королем великолепных владений, которые никогда не считались колонией, и наследовал на этой должности в 1550 году столь же знатному Антонио де Мендосе. Ранее Веласко был вице-королем Наварры. Его дед Педро приходился младшим братом тогдашнему коннетаблю Кастилии, и этот титул и должность фактически закрепились за семейством Веласко. Король Филипп полагал, что через год-другой Веласко может покинуть Мексику (Новую Испанию) и перебраться в Перу, а Мендоса и вовсе может вернуться в Испанию. Однако Веласко слишком прочно обосновался в Мексике. Суарес де Перальта, историк тех дней, принятый в семью через брак племянника Эрнана Кортеса, вспоминал, что «каждый день своего правления он [Веласко] накрывал стол для всех, кому захочется отобедать. Почти всегда у него было тридцать или сорок гостей, и все они вкушали сытнейшие трапезы с дюжиной перемен блюд»¹¹⁷.

Веласко вел себя как аристократ, каковым он и был. Он отлично держался в седле, любил охоту и платил своему старшему конюху в Мексике неслыханную сумму – 2000 дукатов в год. Охотились на соколов, гусей и журавлей. Конюшни Веласко были достойны королей – причем королей богатых, а за его прекрасными лошадьми хорошо ухаживали и всячески их холили. У него имелась особая арена для боя быков, и по воскресеньям на ней проводили корриду. Часто устраивались скачки, и вице-король лично принимал в них участие, причем выбирал самые сложные заезды. Историк Фернандо Бенитес пишет о Веласко, что тот был аристократом, который, что удивительно, любил индейцев, но, будучи королевским представителем, не спускал даже малейшего неповиновения. Ему «криольос»²² казались толпой мятежных юнцов, и он относился к ним с презрением¹¹⁸.

В более богатом королевстве Перу был свой Веласко, наследник великого Педро де ла Гаски, еще один аристократ – более того, еще один Мендоса. Речь об Андресе Уртадо де Мендосе, маркизе Каньете, внуке одного из незаконнорожденных сыновей знаменитого кардинала Гонсалеса де Мендосы, ближнем кузене Аны, принцессы Эболи, супруги королевского секретаря Руха Гомеса. Маркиз женился на дочери графа Осорио, который был главой совета по делам Индий в 1530-х годах, и взял с собою в Перу многих отпрысков высшей кастильской знати. Он первым из вице-королей Перу стал править этими владениями мирно (1556–1560), как если бы это была не Южная Америка, а очередная испанская провинция. Маркиз строил больницы и мосты, завел двор с пажами и стражей и сумел установить единую власть над несколькими местными советами¹¹⁹. Он щедро распределял энкомьенды среди пожилых сторонников Альмагро¹²⁰, просто потому, что к тому времени они достигли преклонного возраста.

Также маркизу Каньете выпало заключить мир с наследником Великого инки, так называемым Сайри Тупаком²³, которого в Лиме приняли радушно и со всеми подобающими цере-

²² Креолы, потомки союзов испанцев с индейками.

²³ Так у автора; вероятно, оборот «так называемый» употреблен для того, чтобы показать, что это было не имя собственное, а прозвище, означавшее «королевский нюхательный табак», причем слово «королевский» в данном случае используется лишь за неимением точного аналога.

мониями; впоследствии его дочь даже вышла замуж за Мартина Гарсию де Лойолу, внучатого племянника основателя ордена иезуитов, тем самым установив поистине невероятную связь между древним Перу и орденом иной религии.

Пятого мая 1558 года Сайри Тупак прибыл в Лиму и был торжественно встречен маркизом Каньете. В честь гостя устроили пиршество во дворце архиепископа Лоайсы, и на пиру обнародовали указ о наделении Сайри Тупака поместьем. Вообще в шестнадцатом столетии было принято улаживать все политические проблемы именно на пирах. Сайри Тупак выдернул нить из шелковой кисточки скатерти и поднял ее повыше, как бы сравнивая с цельной кисточкой, каковая олицетворяла, в его понимании, империю его деда Атауальпы¹²¹. Но вскоре выяснилось, что этот наследник Великого инки располагает собственностью в Оропесе, Акиауане и Пукарии общей стоимостью свыше 17 000 песо. Кроме того, у него была сестра-«королева» по имени Куси Уракай, на которой он впоследствии женился.

Хуан де Виверо, монах-августинец, добился некоторых успехов в приобщении инков к христианской вере. Позже в том году, когда его принимали в Лиме, Сайри Тупак крестился вместе с женой.

Несмотря на несомненные политические успехи, маркизу Каньете в Лиме было тоскливо. Он много тратил и постоянно жаловался на стоимость покупок. Капитан арбалетчиков из личной стражи маркиза, Мартин де Авенданьо, объяснял, что не способен прожить на жалованье в 3000 песо, даже с учетом еще 4000 песо из налогов на Индии¹²².

В конце концов Каньете написал королю Филиппу – мол, он уже отправил одиннадцать писем из Лимы в совет по делам Индий, но ни на одно не получил ответа. По всей видимости, это письмо восприняли как жалобу, и вряд ли можно считать неожиданностью тот факт, что вице-короля вскоре отзывали. Его сменил другой аристократ, поскольку до Перу эпоха профессиональных управленцев (*letrado*) еще не докатилась. Преемника звали Диего Лопес де Суньига-и-Веласко, граф Ниева; он приходился родственником семейству герцога Бехара, покровителя Кортеса, ранее наместника в Галисии, сражавшегося бок о бок с императором в Тунисе, Италии и Франции. Родившийся в Бургосе в 1500 году, Ниева был сыном Антонио де Веласко и Франсиски Лопес де Суньиги, графини Ниева. Женился он на сестре следующего вице-короля Новой Испании.

Сам Ниева был назначен вице-королем в декабре 1558 года, как раз когда на Перу обрушились эпидемии гриппа и оспы¹²³. Ни та, ни другая хворь не посещала эти земли до прибытия испанцев, поэтому ни у кого из инков не было иммунитета. Тысячи – а то и десятки тысяч – человек скончались в муках.

Эксцентричность Ниевы проявлялась, например, в том, что он хотел зваться «его светлостью», а не «его превосходительством». Он вел разгульную и нечестную жизнь, оставляя за собою длинный след из долгов. Однако нет никаких доказательств того, что его убил ревнивый супруг Родриго Манрике де Лара, чью жену вице-король якобы изводил домогательствами, как уверяла – шепотом – молва. Так или иначе, несколько лет после смерти Ниевы в 1560 году Перу правил инспектор Лопе Гарсия де Кастро, который оставался у власти вплоть до прибытия одного из наиболее могущественных среди ранних вице-королей, Франсиско де Толедо¹²⁴.

Ниева и Гарсия де Кастро испытывали немалые сложности во взаимодействии с уцелевшими Писарро, членами семьи покорителя этих мест. Пускай они не желали иметь никаких контактов с администрацией, эта семья до сих пор обладала изрядной экономической мощью. В 1556 году доходы по-прежнему находившегося в заключении Эрнандо Писарро и его новой жены Франсиски от энкомьенд в Перу (прежде всего в долине Юкай и от плантаций коки в Ависке) составляли от 100 000 до 150 000 песо ежегодно¹²⁵. Писарро выращивали маис и коку, а также владели серебряными рудниками в Порко, которые являлись основным источником серебра до обнаружения Потоси.

Через долину Юкай протекала большая река Урубамба, полноводный приток Амазонки, и на этой реке проживал инка Уайна Капак. В 1560 году считалось, что производство коки выросло в пятьдесят раз с момента завоевания. Кока являлась самым важным товаром, заслуживающим обложения пошлинами, в окрестностях Куско.

Писарро, кроме того, владели немалыми богатствами в самой Испании и возвели на перуанское серебро «дворец завоевания» в своем родном городе Трухильо в Эстремадуре; за строительством надзирал criado²⁴ семейства, Эрнандо Чакон. Также Писарро владели недвижимостью в Сарсе, примерно в двадцати милях южнее Трухильо. Вдобавок семейство сохраняло давние интересы в Никарагуа и Панаме, где у них имелась энкомьенда на острове Табога. Они до сих пор содержали военизированную «компанию», Левантийский отряд, который исследовал и заселял Перу. У «компании» было множество инвесторов, хотя первоначально Писарро и Альмагро выступали самыми влиятельными вкладчиками, наряду с Паскуалем де Андагойей и Гаспаром де Эспиносой и его сыновьями.

Важной частью имперской политики в Новом Свете оставались резиденции (*residencias*), то есть проверки деятельности наместников и прочих должностных лиц, которые готовились к отбытию на родину. Эта практика восходит к так называемому кодексу Зенона²⁵, применявшемуся в Восточной Римской империи в пятом столетии. В Испании был принят соответствующий закон, известный как *Siete Partidas*²⁶: чиновникам полагалось оставаться в должности в течение пятидесяти дней после истечения срока полномочий, дабы они имели возможность восстановить справедливость по отношению ко всем, кто считал себя несправедливо обиженным. Отсюда и понятие «резиденция» (в значении «расследование должностного преступления»)¹²⁷.

Судья, специально назначенный стряпчий, готовил вопросник с довольно-таки жесткими формулировками; например, вопросы могли звучать так: «Выполнял ли отбывающий чиновник свои обязанности в соответствии с предписаниями?» Затем судьи рассматривали и отвергали показания заведомо предвзятых свидетелей. В шестнадцатом столетии в Новом Свете насчитывалось около 200 резиденций, расследования осуществлялись из Мехико, Гватемалы, Панамы, Лимы и Санто-Доминго. К числу тех, чью деятельность проверяли подобным образом, принадлежало большинство выдающихся конкистадоров той эпохи. Среди них были Кортес, Педро де Альварадо, Нуньо де Гусман и Франсиско де Монтехо в Новой Испании; Эрнандо де Сото в Перу и Флориде; Педрариас Авила в Панаме; Диего Веласкес на Кубе; Хименес де Кесада в Венесуэле и Педро де Эредия в Картахене-де-Индиас. Расследование деятельности Кортеса оказалось весьма подробным и составило почти 6000 страниц. Однако таким проверкам ни разу не подвергали ни семейство Писарро, ни большую часть перуанских конкистадоров¹²⁸.

Регулярные проверки породили на свет много важных юридических документов, которые позволяют историкам составить почти полное представление о деятельности испанских государственных служащих той поры. Мы видим, как вице-короли выражали намерения предпринимать те или иные действия, соответствовавшие, по их мнению, пожеланиям испанской короны, пускай зачастую им не удавалось сформулировать эти намерения и пожелания внятно. В шестнадцатом столетии вице-королями в Новой Испании и в Перу становились обыкновенно аристократы, стремившиеся жить по-королевски и отдавать повеления, тоже по-королевски. Многие в этом преуспели. Они возводили дворцы, монастыри, соборы и церкви, прокладывали

²⁴ Питомец (*исп.*).

²⁵ Правильнее «кодекс Феодосия». Имеется в виду византийский император Зенон (474–491), который в своем правлении опирался на свод указов императоров-предшественников, кодифицированный при Феодосии II (438).

²⁶ Букв. «Семь частей» (*исп.*). Имеется в виду кастильский свод законов XIII столетия, который достаточно долго применялся в Испании, а на территории Южной Америки действовал вплоть до начала XX века. Название связано с тем, что свод делился на семь основных разделов.

дороги и учреждали коммерческие предприятия в масштабах, прежде невиданных в испанских владениях.

4. Имперская теократия

И прежде всего, появился рыцарь, дабы защищать нашу мать-Святую Церковь, – сказал отшельник, – а потому не должен он злом платить за зло, но смиренно и великодушно должен прощать тем, кто нанес ему обиду, ибо взывают они к милости его; призван рыцарь защитить Святую Церковь, а иначе грозит ей погибель и обратится она в ничто²⁷.

Жуанот Мартурель. «Тирант Белый» (1490)

Ранние дни утверждения Испанской империи в Новом Свете, то есть шестнадцатое столетие, кажутся в некоторой степени отдельной главой в истории Католической церкви – или даже главой в истории ордена францисканцев. Затем все большую роль стали играть доминиканцы и августинцы, а после 1570 года начал доминировать новый орден – Общество Иисуса, иезуиты.

Новая Испания при вице-короле Веласко являлась глубоко религиозной территорией, можно сказать, почти теократией. Вера служила важнейшим фактором политики. В 1560 году в Новой Испании насчитывалось восемьдесят францисканских монастырей, где проживали 380 монахов; сорок доминиканских монастырей с 210 монахами; у августинцев тоже было сорок монастырей и приблизительно столько же монахов, сколько у доминиканцев. Эти цифры охватывают братьев-мирян, послушников, студентов, администраторов и некоторых весьма пожилых людей. Многие монастыри размещались в громадных зданиях, которые формировали центр тех населенных пунктов, где их возводили. Что касается иезуитов, те пока до Америки не добрались¹²⁹. Монахи и святые отцы были выходцами из испанской среды, представителями европейской цивилизации. Многих среди первого поколения клириков можно назвать великими людьми, даровитыми и обладавшими талантом убеждения. Францисканцы как будто занимали особое положение, но не стоит отказывать в достижениях и другим религиозным орденам.

Монастыри шестнадцатого века в Мексике, уцелевшие до наших смутных времен, являют собою блестящее напоминание о всепобеждающей силе веры и о религиозном пыле той эпохи. К их числу относятся монастырь Уэлосинго (построен между 1550 и 1571 годами), Тламаналько (завершен в 1531 году), Чолула (строительство началось в 1549-м и завершилось в 1601 году). Монастырь Акольман, наилучший образец живописной мексиканской архитектуры, был освящен в 1560 году и имел высокий открытый алтарь; монастырь Актопан, принадлежавший августинцам и смахивавший на крепость, начали возводить в 1546 году; августинский же монастырь Юрирапундаро строили с 1548 по 1559 год. Строительство доминиканских монастырей в Оахаке и Пуэбле началось в 1570 и 1533 годах соответственно.

Архитекторами этих грандиозных францисканских обителей были выходцы из старой Испании. Так, монастырь Уэлосинго проектировал фра Хуан де Аламеда, который прибыл в Новую Испанию вместе с великим епископом Сумаррагой; монастырь Чолула строил фра Торибио де Алькарас, родом из крохотного городка в провинции Альбасете; монастырь Актопан возводил фра Андрес де Мата, августинец, прежде живший и работавший в Италии; монастырь Юрирапундаро спроектировал фра Диего де Чавес, племянник конкистадора Педро де Альварадо, а помогал ему архитектор Педро дель Торо. Золотой монастырь в Оахаке – плод усилий Эрнандо Кавароса, а монастырь в Пуэбле появился благодаря Франсиско Бесерре из Трухильо в провинции Касерес; позднее этот зодчий подвизался в Лиме и Кито (он приходился

²⁷ Перев. П. А. Скобцева. Цит. по: Мартурель Ж., Галба М. – Ж. де. Тирант Белый. М.: Ладомир, Наука, 2005.

внуком Эрнану Гонсалесу де Ларе, архитектору кафедрального собора Толедо)¹³⁰ и построил, в частности, собор в Лиме.

Уцелевшие конкистадоры по-прежнему прилагали немалые усилия к тому, чтобы новые подданные приобщались к христианской вере. В 1559 году фра Матурино Гиберти¹³¹, францисканец, опубликовал катехизис в переводе на язык тарасков, на котором говорили в центральной Новой Испании. Однако новый – второй по счету – архиепископ Алонсо де Монтуфар невзлюбил этот язык, и в 1571 году, к вящему изумлению автора книги, его труд удостоился внимания инквизиции.

Религиозные ордена отстаивали различные принципы. Францисканцы, чей орден был основан в 1209 году святым Франциском Ассизским, ратовали за апостольскую бедность не только для братии индивидуально, но и для орденов в целом. Группы францисканцев, известные под общим наименованием обсервантов¹³², настаивали на доскональном соблюдении устава святого Франциска. Доминиканцы, чей орден был основан в 1216 году святым Домиником, уроженцем Бургоса, начинали с аскезы и подаяний, но с 1475 года орден обрел право владеть собственностью. Как правило, доминиканцы ревностно проповедовали, а также занимались науками.

Августинцы, чей орден возник в 1244 году по велению папы Иннокентия IV, во многом вторили доминиканцам, но более твердо следовали строгим правилам монашеской жизни, установленным святым Августином из Гиппона. Мерседарии, братия монашеского ордена, основанного в 1218 году святым Петром Ноласко, стремились спасти неверных и радели за христиан, плененных маврами и прочими мусульманами. Все эти ордена немедленно отреагировали на открытие Америки и последующие завоевания и приступили к освоению нового континента.

В 1556 году братья-доминиканцы Чьяпаса, территория майя в Новой Испании, где епископом был Бартоломе де Лас Касас, составили письмо в совет по делам Индий. Они желали удостовериться в том, что королю известно о происходящем с орденами в Мешико / Теночтитлане и в Центральной Америке. Многие годы, утверждали они, сами доминиканцы, наряду с францисканцами и августинцами, трудились не покладая рук, невзирая на изнурительную жару и сухость почвы. Они обращали язычников, уничтожали идолов и строили храмы. Порою тому или иному ордену удавалось породить волну обращений, и несколько тысяч язычников, бывало, крестились в один день¹³³. Но «дьявол никогда не спит»: он искушает языческих жрецов, и те, о чем все знают, подстрекают местное население к мятежам. В 1550-х годах доминиканских монахов в Чьяпасе и обращенных ими индейцев выгнали из жилищ, их дома сожгли дотла, и около тридцати христиан погибло. Два монаха, в том числе фра Доминго де Вико, на редкость образованный миссионер, который умел проповедовать на семи языческих наречиях, были убиты в церкви, а еще одного монаха принесли в жертву языческому кумиру. Испанцы из Сантьяго-де-Гватемале отказывались помогать, разводя руками и ссылаясь на бюрократические правила, воспрещавшие им вступать на территорию Верапаса¹³⁴.

Усугубляло ситуацию то обстоятельство, что имелись противоречия между церковью и орденами, а также разногласия между самими орденами относительно вопросов, которые виделись весьма существенными. В сентябре 1558 года фра Франсиско де Бустаманте, провинциал (то есть глава) францисканцев Новой Испании, осудил культ Девы Марии Гваделупской, чей образ мистически явился верующим в 1530 году¹³⁵. Бустаманте обвинил архиепископа Монтуфара в поддержке еретиков (двумя днями ранее Монтуфар призвал восхищаться случившимся чудом). Фра Франсиско уверял, что образ Богоматери – дело рук какого-то индейца, а вовсе не промысел Божий. Доминиканец Монтуфар, выросший в снисходительной к еретикам Гранаде, а позже служивший в монастыре Святого Фомы в Севилье, велел провести специальное расследование. Другие францисканцы тоже выражали недовольство, поскольку культ Девы

Марии Гваделупской представлялся им сродни поклонению идолам. Этот случай показателен для характеристики скверных отношений между францисканцами и архиепископом¹³⁶.

Между тем архиепископ Монтуфар составил прошение, в котором перечислил трудности, вызванные наличием монастырей, где проживало не более двух монахов, – а окормлять этим монастырям полагалось по 100 000 душ. Есть деревни, писал Монтуфар, куда ни один монах не заглядывал добрый десяток лет, а если и появлялся, то лишь затем, чтобы бегло провести мессу, окрестить несколько человек и благословить несколько браков. В попытках избежать назначений в малонаселенные, но обширные области ордена и миссии ссорились, добиваясь доступа к многолюдным и богатым краям. Еще Монтуфар упоминал, что приор августинцев решил назначить две дюжины местных дьяконами и священниками, но мало кто из них знал латынь и почти никто не умел читать на этом языке. (Впрочем, некий доктор Ангиус утверждал, что даже отдельные священники, рукоположенные самим архиепископом Монтуфаром, были «неразумными существами» и не годились для таких трудов¹³⁷.)

Император Карл поручил вице-королю, одним из своих последних официальных указов, разрешать споры между миссиями и орденами в Новой Испании на том основании, чтобы никакой орден не мог проникать в города, где уже утвердились другие, без их одобрения и разрешения. Монтуфар негодовал: «Возможно ли отыскать более дьявольское измышление, нежели вот это? В нем нет ничего христианского, ибо ни один из орденов не в состоянии учить катехизису или отправлять таинства лишь на пятой, десятой части или даже на половине своей территории! Разве по-христиански возбранять какому-либо ордену приходить на помощь другому? Они ведут себя так, словно повелевают своими вассалами!...»¹³⁸

Не вызывает удивления тот факт, что в Новой Испании бытовала предубежденность в отношении верований индейцев. Светские католики отвергали саму идею о священниках из числа аборигенов, поскольку отсюда следовало, что «добрым испанцам» придется исповедоваться индейцам. Вице-король Мендоса, обыкновенно демонстрировавший широту взглядов, поддерживал эту предвзятую точку зрения, заявляя, что неправильно приобщать индейцев к таинствам церкви, пока они не достигли того же уровня цивилизованности, что и священники старой Испании. Однако вольнодумец архиепископ Монтуфар не согласился и рукополагал индейцев, метисов, а также, разумеется, испанцев. Если уж на то пошло, обращенные местные священники служили еще в 1527 году, как уверял преподобный²⁸ Мотилиния. А в 1540 году священник появился среди тарасков – тогда рукоположили Пабло, внука последнего правителя тарасков, Тангашуана. Однако начальство Монтуфара из Кастилии в конечном счете потребовало от архиепископа прекратить подобные действия.

Между тем францисканцы оказали некоторую поддержку Монтуфару. Так, фра Хакобо Дасиано, монах датского происхождения (поговаривали, что это брат короля Дании Кристиана II) и известный богослов, провозгласил, что мексиканская церковь зиждется на неверных основаниях, потому что не поощряет рукоположение местных священников. Дасиано рассуждал, назовем это так, прекраснодушно, оставив позади европейский мир религиозных споров еще в 1513 году. Его рассуждения публично оспорил испанский францисканец фра Хуан де Гаона. К числу других теологов той эпохи принадлежал францисканец Хуан де Товар, mestizo²⁹, сын конкистадора того же имени и принцессы из королевской семьи Тешкоко, одного из трех исходных королевских городов Мексики. От своей матери Товар научился нескольким местным наречиям и стал секретарем собора в Мешико / Теночтитлане. В 1570-х годах он вступил в Общество Иисуса, и глубина познаний принесла ему прозвище «мексиканского Цице-

²⁸ Подробнее об этом священнослужителе и его деятельности см. далее в тексте. Свое прозвище францисканец Торибьо де Бенаvente заслужил от индейцев, которые будто бы, разглядывая его поношенные одежды, говорили: «Он беден» (на науатле – motolinia). Слово «преподобный» в данном случае – обращение к священнику, распространенное в католической практике.

²⁹ Метис (исп.).

рона». Еще следует упомянуть уроженца Тлашкалы³⁰ Диего де Валадеса, протеже королевского бастарда фра Педро де Ганде. Валадес отправился в Испанию в 1574 году, был радушно принят как первый мексиканец, опубликовавший собственную книгу («*Rhetorica Christiana ad Concionandi et Orandi*»³¹, 1579) в Европе, а именно в Перудже.

В самой Испании конфликт между Лас Касасом и Сепульведой относительно того, что считать справедливым обращением с индейцами, по-прежнему продолжался¹⁴⁰. Совет по делам Индий тщетно пытался убедить тех мудрецов, которых привлекали к разбирательству этого вопроса, предоставлять свои соображения в письменной форме. В 1557 году было составлено письмо, обращенное к хитроумному доминиканцу Мельхору Кано и гласившее, что, поскольку остальные судьи уже изложили свое мнение, ему незамедлительно надлежит сделать то же самое. К слову, до наших дней не сохранилось ни единого текста, за исключением письма фра Анайя, который утверждал, что завоевания были оправданны – как способ помешать индейцам далее грешить против «естественных законов». Богослов также полагал, что новые экспедиции на средства короны и ведомые богобоязненными капитанами, «кои ревностно служат Господу и королю, станут хорошим примером для индейцев и будут далее исследовать новый континент, ради блага индейцев, а не ради золота, которое вполне возможно отыскать»¹⁴¹. Но следует предъявлять местным особые *requirimientos* (требования и условия), прежде чем прибегать к насилию¹⁴².

Фра Бартоломе де ла Вега, который не только первым озаботился справедливостью в отношении индейцев, но и долго спорил о ней с многочисленными докторами права, которые всеми силами отстаивали противоположные взгляды, попытался убедить совет по делам Индий опубликовать доводы в защиту Лас Касаса. «На карту поставлено, – утверждал ла Вега, – не что иное, как спасение или истребление тел и душ обитателей недавно открытого нового мира... Эта работа чрезвычайно важна и насущно необходима для всех нас. Автор сих доводов приложил немало труда к своим изысканиям, постарел от избытка тревожений и бесчисленных ночей без сна»¹⁴³. Однако кабильдо (городской совет) Мешико / Теночтитлана писал королю Филиппу, что рассуждения Лас Касаса вызвали обильное недовольство в городе, и пришлось поручить двоим богословам и городским стряпчим подготовить послание в совет по делам Индий; в этом послании решительно осуждались «дерзкий священник-хулитель его одиозная доктрина». Если коротко, доводы Лас Касаса опубликованы не были.

Сепульведа же писал Франсиско де Арготе, члену известного кордовского семейства, который решал, как следует распоряжаться имуществом, конфискованным инквизицией у еретиков Кордовы¹⁴⁴: *«Я никоим образом не утверждаю, что варвары должны оставаться рабами. Я лишь призываю привести их к покорности и подчинить нашему правлению. Я не утверждаю, что мы должны лишить их всякого имущества; нет, я говорю, что мы должны побеждать их, не совершая против них несправедливых действий. Я не утверждаю, что нам следует злоупотреблять своею властью над ними; я лишь говорю, что наше владычество должно быть благородным, любезным и полезным для них. Потому нам надлежит искоренить их языческие обычаи, добротой склонить их к следованию естественным законам и, после должной подготовки... обратить их, с апостольским терпением, в христианскую веру»*¹⁴⁵.

³⁰ В отечественной литературе не наблюдается единообразного написания при передаче латинского «х» в ацтекских топонимах; для данного перевода выбран вариант через «ш», как в классическом переводе на русский сочинения Д. де Ланды, но в других текстах можно встретить написание «Тлаккала» (или «Тлакскала»), «Тексоко» и пр.

³¹ «Христианская риторика для проповедей и молитв» (лат.).

Это был совсем другой способ постановки вопросов, сильно отличавшийся от того, к каким Сепульведа прибегал ранее. Возможно, с годами и он смягчился.

В Испании тех лет назревал и иной религиозный кризис. В сентябре 1557 года был подготовлен новый, весьма длинный список еретических книг, подлежащих сожжению, составленный римской инквизицией. Двоим кардиналам вменили в обязанность удостовериться, что книготорговцы не потеряют слишком много и сразу. Однако все книги Эразма требовалось сжигать незамедлительно, заодно с трудами Макиавелли и с язвительными «Фацетиями» Джанфранческо Поджо, сборником юмористических новелл, содержавших нападки на духовенство и на религиозные ордена. Все разрешения на чтение запрещенных книг отзывались, единственными исключениями оставались великие инквизиторы и кардиналы, которым допускалось выдавать особые позволения. Закон о цензуре 1502 года пополнился в 1561-м более строгими формулировками, и теперь любая книга должна была получить печатное одобрение цензора, а ввоз каких бы то ни было книг из-за рубежа без королевской лицензии приравнивали к тяжкому преступлению.

На основе римского списка от сентября 1557 года был подготовлен новый «Список запрещенных книг»; эту работу для испанского правительства проделал консервативный севильский книготорговец по имени Антониус Бладус. Испанский вариант списка содержал отдельные изменения в сравнении с римским. Документ Бладуса содержал «перечень авторов и книг, относительно которых римская и вселенская инквизиция велит всем христианам быть начеку». Труды одних авторов запрещались безоговорочно, пускай они ни словечком не критиковали веру: примером такого автора был Эразм Роттердамский, прежде горячо любимый книготорговцами. Ко второй категории относились авторы, у которых признавались еретическими одна или несколько книг. В третью категорию входили отдельные книги, поименованные опасными. Все книги, где не указывалось имен автора и печатника и места издания, осуждались автоматически. Латинский и прочие переводы Библии возбранялось читать или даже иметь в своем распоряжении без разрешения инквизиции. Шестьдесят одна печатная мастерская тоже подверглась запрету¹⁴⁶. После публикации списка было сожжено значительное количество книг: например, не меньше 10 000 экземпляров в Венеции в субботу перед Вербным воскресеньем 1558 года. Но парижская Сорбонна и испанская инквизиция дружно проигнорировали этот список. Архиепископ Вальдес¹⁴⁷, великий инквизитор Испании, в 1559 году составил собственный список запрещенных книг.

Тем не менее ересь, казалось, продолжает распространяться. Вот путешествие в 1556 году образованного монаха по прозвищу Эль Хулианильо (Хулиан Эрнандес) в Севилью из Женевы с многочисленными кальвинистскими книгами. Прежде он побывал в Шотландии и Париже, стремясь к освобождению от строгой католической доктрины, а теперь намеревался отправиться в вольнодумный монастырь Сан-Исидоро дель Кампо, чуть к северу от Севильи. Но по ошибке его копия «La Imagen del Anticristo» («Образ Антихриста») попала в руки истового католика, который донес в инквизицию. Двенадцати монахам пришлось бежать из Сан-Исидоро, и большинство из беглецов заочно сожгли несколько лет спустя. Самого Эль Хулианильо схватили в Сьерра-Морене и сожгли на аутодафе на площади Святого Франциска в Севилье – но перед смертью он успел гневно обличить своих палачей.

Одновременно возникли подозрения в глубине веры доктора Константино де ла Пуэнте, который был капелланом императора Карла¹⁴⁸. 2 июня 1558 года великий инквизитор Вальдес написал отрекшемуся от трона императору, предлагая распространить деятельность инквизиции на Галисию, Астурию (откуда он сам был родом) и на Страну басков; еще предлагалось объявить исповедь, а также причастие обязательными для всех подданных его величества; запретить школьным учителям преподавать до одобрения со стороны инквизиторов и не допускать издания книг без предварительного разрешения Святого трибунала. Иностранцам возбраня-

лось торговать книгами; от книготорговцев требовалось иметь в наличии список всех книг, которые они выставляют на продажу; всех осведомителей предлагалось вознаграждать четвертью или даже третью имущества еретика, на которого они донесли¹⁴⁹. Сам Карл уже не мог принимать соответствующих решений, но считалось, что он по-прежнему пользуется значительным влиянием.

Известие о том, что архиепископ Карранса, приблизительно тогда же, опубликовал сомнительный труд о катехизисе, вызвало в Риме настоящий переполох. Отчасти в качестве реакции на это событие блестящий, но жестокий папа Павел IV (Джанпьетро Караффа) наделил великого инквизитора Вальдеса особыми полномочиями¹⁵⁰. Седьмого января 1559 года корона увеличила сумму, выделявшуюся на нужды инквизиции. Великий инквизитор получил возможность проводить расследования в отношении всех старших клириков и даже арестовывать их, если сочтет необходимым. В Севилье сожгли как протестантов двадцать одного человека, в том числе Хуана Понсе де Леона, благородного юношу, брата графа Байлена¹⁵¹. В ноябре 1559 года по всем испанским университетам прокатилась будоражащая новость: мол, кастильцам, которые обучаются за границей в «подозрительных» иностранных университетах, велено вернуться домой. Этот шаг многие восприняли как предвестие катастрофы, хотя на данный момент возвращения требовали только от кастильцев, но не от арагонцев и не от басков¹⁵².

Список инквизиции 1559 года запретил пятьсот пьес. Почему именно пьесы удостоились такого внимания, сказать сложно, однако отныне всем драматургам следовало предаваться сочинительству, уделяя пристальное внимание содержанию текстов¹⁵³. Подвергся запрету и плутовской роман «Жизнь Ласарильо с Тормеса», причем в обеих частях (во второй части, увидевшей свет в Антверпене 1554 году, Ласарильо предстал в облике рыбы). Целиком роман не издавался в Испании вплоть до девятнадцатого столетия.

Особо отмечу, что инквизиция как будто не возражала против издания и распространения рыцарских романов, проявляя поразительную терпимость. Ни один из этих мирских текстов не был внесен в список запрещенных книг, хотя иногда и высокопоставленных авторитетов, пусть даже порой высокопоставленные персоны – императрица-регент или принц Филипп в юности, – осуждали бы «бесчисленные сочинения и вымыслы на народном языке наподобие Амадиса»¹⁵⁴. Возможно, дело было в том, что у этих необычных романов имелось слишком много сторонников при дворе (сам император, святой Игнатий, святая Тереза Авильская)¹⁵⁵. Судя по всему, королевский двор беспокоился не столько из-за того, что сами испанцы в Новом Свете продолжают читать эти книги, сколько из-за того, что эта вредная привычка могла распространиться на индейцев, весьма подверженных, как чудилось со стороны, чужому влиянию.

В 1561 году «конференция» по всем этим малоприятным вопросам состоялась в доминиканском монастыре Аточа в Мадриде. Лас Касас предстал перед королем Филиппом точно так, как прежде нередко появлялся перед императором Карлом V. Францисканец Хуан Сальмерон обосновывал справедливость войн с индейцами «их смертными грехами и человеческими жертвоприношениями»¹⁵⁶. Лас Касас же многие годы умолял папу отлучать от церкви всякого, кто верит, что идолопоклонство индейцев оправдывает насилие в их отношении. Филипп постарался избежать многословных прений по этому вопросу и сосредоточился на урегулировании статуса монастырей в новых владениях короны. Он распорядился проследить за тем, чтобы соседние монастыри в Новой Испании разделяло по меньшей мере шесть лиг (то есть восемнадцать миль): «Нам докладывают, что монастыри строятся близко друг к другу, потому что верующие люди предпочитают обосновываться на плодородных землях недалеко от города Мешико, а пространства протяженностью от двадцати до тридцати лиг пребывают в небреже-

нии, поскольку люди веры не хотят селиться на каменистых и бедных почвах и там чрезмерно жарко»¹⁵⁷.

В том же 1561 году архиепископ Монтуфар и епископ Кирога, просвещенный утопист, который руководил делами центральной Новой Испании из Паскуаро, выдвинули обвинение против всех трех основных орденов – мол, в Новой Испании эти ордена творят насилие над индейцами. Кирога пояснял: «Когда индейцы отказываются повиноваться, монахи осыпают их бранью и колотят, вырывают им волосы, заставляют раздеваться и подвергают жестокой порке, а затем бросают их в тюрьмы в кандалах и цепях...» Францисканцы фра Франсиско де Рибера и фра Хуан Кихано, оба из монастыря Тлашкала, действительно однажды арестовали некоего индейца только потому, что он непочтительно с ними разговаривал; его привязали к столбу и выпороли¹⁵⁸.

Провинциалы всех орденов, трудившихся в Новой Испании, тут же принялись писать письма королю Филиппу, умоляя монарха не навлекать на себя гибель, ибо за его действиями им виделось покушение на прерогативы самой церкви¹⁵⁹. Еще они обращали внимание на возрождение старых верований: 11 октября 1565 года архиепископ Монтуфар и другие епископы Новой Испании признали наличие этого явления в меморандуме, адресованном верховному суду (*audiencia*). В документе упоминалась «великая охота, с какой эти новообращенные индейцы возвращаются к былому идолопоклонству, обрядам, жертвоприношениям и празднествам». Например, жители Чальмы, славного своими мастерами-строителями аграрного поселения в той же котловине, где находился Мешико / Теночтитлан, собирались в труднодоступных пещерах; порой, в Чолуле, они умело маскировали изображения старых богов под христианскими крестами. Подобные шествия и моления проводили касики (вожди), а также бывшие жрецы и колдуны¹⁶⁰. Надо признать, что открытое письмо королю оказалось пустой тратой времени. В 1563 году Ликенсиадо Альфонсо де Осегера писал, что францисканцев не найти в Новой Галисии (где он был судьей) из-за бесплодия местности и варварства местного населения¹⁶¹.

Несмотря на эти трудности, в 1563 году первые камни легли в основание собора в Мериде на Юкатане, а завершилось строительство в 1599 году. Этот просторный храм с боковыми нефами во многом походил на новый кафедральный собор в Санто-Доминго¹⁶². В 1569 году к возведению аналогичного собора приступили также в стремительно растущем городе Гвадалахара в Новой Испании. Были и другие положительные результаты: 21 марта 1569 года, например, епископ Мичоакана записал, что большинство местных индейцев обратились в христианство, а некоторые из них и вовсе уже проповедуют своим собратьям на родном наречии¹⁶³. Десять дней спустя неутомимый архиепископ Монтуфар сообщил папе, что лично окрестил 5000 индейцев¹⁶⁴. Он, похоже, сообразил, что и вправду лишь монахи – особенно францисканцы – способны верно истолковывать побуждения. Многолетние скитания и уединение в сочетании с хотя бы поверхностными познаниями в местных наречиях и обычаях позволяли им лучше, чем кому бы то ни было, разбираться в характере индейцев. Ордена теперь ожидали от братии изучения местных наречий (отоми, тотонака, сапотека, тарасканского и микстека), а также общего языка науатль.

В 1569 году доминиканец Луис Бертран, позже беатифицированный, начал с успехом проповедовать Слово Божие индейцам Новой Гранады (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, отчасти Перу и Бразилия); исключительная аскеза, которую он соблюдал, была наилучшим доказательством истинности его проповедей. Он совершал дальние походы, пробирался через мнившиеся непроходимыми леса, нисколько не боялся палящего солнца, часто постился и ходил вооруженный только требником. Вдобавок обычно он странствовал босым. Его радения приносили церкви как минимум 20 000 новообращенных¹⁶⁵. Вскоре после того, увы, Бертран поки-

нул Новую Испанию, дабы не оказаться причастным к тем беззакониям, которые, как ему было известно, творят колонисты. Но его товарищ фра Луис Веро оставался в тех краях до 1588 года¹⁶⁶. Доминиканцы стремились оправдать себя перед Римом и перед советом по делам Индий всевозможными способами.

*Среди прочего, нас обвиняют в том, что мы живем в роскоши и строим просторные здания, кои служат нам монастырями. Сие легко проверить, ибо стены невозможно спрятать, и Ваше святейшество [письмо было обращено к папе] может распорядиться, чтобы их все осмотрели, и принять такие меры, каковые ему будет желательно и угодно предпринять. Но вот о чем мы хотим поведать Вашему святейшеству: из сорока восьми монастырей и молельных домов, каковые мы основали в Новой Испании, не найдется и трех, полностью достроенных, ибо мы тщательно следим за тем, чтобы индейцы работали честно и с удовольствием, без принуждения и не выказывая раздражения... Кроме того, хотя имеются несколько молельных домов значительного размера, остальные, то бишь большинство из них, весьма скромные и простые в убранстве, без чрезмерных украшений, отделки или излишеств, и при строительстве оных мы не чинили никакого насилия над индейцами, каковые на самом деле жаждут почтить свои поселения, где нет иных церквей, кроме монастырских...*¹⁶⁷

Чуть ранее, в 1564 году, Лас Касас закончил свой последний труд, «Разрешение двенадцати сомнений», из которого явствовало, что он лишь укрепился в своем негодовании на испанских колонистов. В мае 1565 года он отправил копию сочинения королю Филиппу с пометкой, что сей труд обобщает его взгляды. К сожалению, рукопись была опубликована лишь в девятнадцатом столетии.

Лас Касас также составил 17 марта 1564 года завещание, в котором предрекал, что «Господь всенепременно обрушит Свою ярость и гнев» на Испанию за «неправедные войны, развязанные против американских индейцев»¹⁶⁸. Его представитель в Риме писал, что он передаст всякую новую весточку суровому новоизбранному папе Пию V (Антонио Микеле Гисльери, последний папа, которого канонизировали), когда Лас Касас пришлет хоть что-нибудь. Сам Лас Касас тогда засел за следующее письмо. В нем он требовал отлучения от церкви любого, кто готов начать войну против язычников лишь из-за их идолопоклонства или воевать ради распространения веры. К письму он приложил текст своего первого, как представляется, памфлета. Текст назывался «Единственный путь» и призывал всех людей обратиться в истинную веру. Папа Пий – возможно, по настоянию Лас Касаса – обратился к королю Филиппу с увещанием «облегчить ярмо Христово для индейцев». В ноябре 1568 года папа Пий направил своему нунцию в Мадрид новые наставления относительно обращения с индейцами в Америке. Папа напоминал, что испанским монархам даровали право завоевывать земли за пределами океана только во имя утверждения там христианской веры. Потому обязанность короля заключается в том, чтобы в Америку отплывали добросердечные проповедники и священники и чтобы гражданские власти поддерживали их деятельность справедливыми налогами. Крещение надлежит проводить лишь над теми туземцами, которые воистину приобщились к Господу. А для тех, кто уже крестился, нужно подыскивать учителей, которые объяснят, что значит быть добрыми христианами. Необходимо, говоря современным языком, расширять сеть центров обучения вере на благо туземцев. Там, где индейцы живут далеко друг от друга и в малочисленности, следует собирать их в деревни. Языческие святилища, разумеется, нужно уничтожать, а все испанцы Нового Света, естественно, должны подавать наглядный благой пример¹⁶⁹.

Конечно, папа Пий знал, что индийская (американская) церковь теоретически передана (с точки зрения назначений и переводов с места на место) в руки испанского монарха буллой папы Юлиуса II от 1508 года. Посему король Испании обладал правом назначать аббатов и

даже прелатов, а все папские буллы, касавшиеся Нового Света, подлежали одобрению совета по делам Индий. Но все же формально следовало получить папское разрешение до того, как начинать строить храм.

Перемены в религиозной структуре Америк начались в конце 1560-х годов. Первое поколение миссионеров, что называется, сходило со сцены: Мотолиния умер в 1569 году; Педро де Ганде в 1572-м; фра Андрес де Олмос, способный проповедовать на двенадцати туземных языках, и епископ Юкатана Тораль оба скончались в 1571 году. Педро де Ганде, возможно, сводный брат императора, был, пожалуй, самым примечательным человеком среди всех этих великих людей. «Он учил индейцев всяким искусствам, – писал фра Диего де Валадес, – ибо сам сполна овладел ими всеми»¹⁷⁰. Архиепископ Монтуфар однажды обронил: «Я не архиепископ Мексики, эта честь принадлежит фра Педро де Ганде».

Во-вторых, на протяжении 1560-х годов многие миссии разрастались и превращались в города, а посему Священная канцелярия сочла, что подробные записи о старинных обычаях Индий (наподобие «Флорентийского кодекса»³² Саагуна)¹⁷¹ ни к чему и лишь стимулируют ненужный интерес к древним обрядам. По той же причине на стали публиковать ни собрание Саагуна («Псалмодию»), ни записи индейских преданий и прекратили печать «Евангельских стихов и эпистол» фра Арнальдо де Басаккьо. Даже двуязычный словарь фра Алонсо де Молины (испанский – науатль) вызвал подозрения, но выяснилось, что причиной недовольства стала банальная опечатка.

Подобного рода осложнения возникали не только в Новой Испании. К примеру, в Перу, втором по размеру из испанских вице-королевств (и первом по доходам), архиепископ Лоайса созвал встречу теологов, чтобы составить наставления для исповедников: следовало определить, до какой степени можно наседать на энкомьендерос и прочих, кто разбогател на первых войнах с индейцами, с просьбой вернуть туземцам хотя бы часть награбленного. Были утверждены правила, предусматривавшие в определенных случаях возврат имущества как необходимое условие для отпущения грехов. Эти обсуждения вылились в составление общего руководства для миссионеров, подготовленного Алонсо де ла Пеньей Монтенегро; данное руководство использовалось последующие два столетия¹⁷². Фра Луис Лопес, один из первых иезуитов в Перу, писал об испанцах, с которыми ему довелось столкнуться: «Они крайне жестоки к индейцам, каковые видятся им не людьми, а животными, и они обращаются с оными соответственно, радея исключительно о заветном серебре...»¹⁷³ (Как считается, Лопес позднее был осужден инквизицией за чрезмерное сочувствие к индейцам.)

Споры и дурная слава, окружавшие Лас Касаса, достигли и Перу: его доводы горячо отвергались в открытом письме, опубликованном в 1570-х годах с титулом «Апология законности правления испанской короны в Индиях, в опровержение фра Бартоломе де Лас Касаса»¹⁷⁴; автором письма был местный монах, приятель вице-короля де Толедо. В письме говорилось, что Лас Касас никогда не бывал в Перу и потому ничего не ведает о здешних условиях. По мнению автора, Индии являлись заслуженной наградой Испании за восемь столетий войны против мусульман. Инки правили своими подданными тиранически. Однако Лас Касас, утверждалось в «Апологии», почти убедил императора покинуть Перу, и хорошо, что Франсиско де Витория не открыл правителю правду об инках. Лас Касас же приобрел такое влияние, что мало кто отваживается с ним спорить. Если не установить раз и навсегда безоговорочность прав короны на Индии, это чревато бедой. Некоторые испанцы и без того уже, продолжал автор письма,

³² Сочинение фра Саагуна называется «Общая история свершений в Новой Испании». Рукопись оставалась неопубликованной до конца XVIII столетия, свое второе название она получила благодаря хранению в библиотеке Медичи Ларенциана во Флоренции.

женятся на индейских принцессах лишь затем, чтобы оказаться в очереди на трон, если инки вернутся к власти.

Монах осуждал тех, кто «под прикрытием борьбы за справедливость пытается наделить индейцев правами... для них неуместными... ибо они зависимый малый народ, коим надлежит управлять извне... Это, вне сомнения, утонченные происки дьявола, коий выбрал своим инструментом церковника и, по всей видимости, ревнителя веры [то есть Лас Касаса], но сей человек рад обманываться, скверно мыслит и пишет и совершенно лишен смирения, как следует из его опубликованных сочинений и из тех хлопот, какие он доставил Перу, когда сюда прибыл вице-король Бласко Нуньес».

В Европе между тем подходил к завершению Тридентский собор, величайшая на тот момент попытка Римской церкви радикально пересмотреть и внести разумные исправления в свою доктрину. Среди итоговых решений, объявленных 3 декабря 1563 года, одно ставило всех без исключения священников под контроль епископов. Это оказалось проблемой для Нового Света, где многие приходы управлялись монахами, а не священниками-мирянами. Архиепископу Мешико / Теночтитлана пришлось нижайше просить папу не требовать неперменного соблюдения нового правила на территории его епархии¹⁷⁵.

Между тем папа официально одобрил решения Тридентского собора, а 12 июля 1564 года король Филипп принял эти решения в качестве закона для Испании – и для всех испанских доминионов. Тридентскому собору, выразителю контрреформационной идеологии Римской католической церкви, понадобилось два десятка лет на выработку принятых решений, но теперь, когда эти решения были обнародованы, оказалось, что у них имеются далеко идущие последствия. Пий V направил решения собора епископу Санто-Доминго, соответствующие письма разослал и другим епископам Нового Света, а также прелатам «золотого Гоа»¹⁷⁶. В январе 1565 года король Филипп созвал королевский совет, чтобы обсудить способы осуществить на практике все решения Тридентского собора: провести реформирование всех религиозных орденов, призвать к порядку приходских священников, внести изменения в литургическую практику, ликвидировать отправление нескольких древних обрядов; принять новую мессу, новый молитвенник и новый календарь, изменить дни памяти ряда святых, заняться обучением миссионеров и учредить полноценные религиозные школы. Таким вот образом Католическая церковь демонстрировала, что готова к нововведениям. А чтобы помочь ей и даже в какой-то степени возглавить процесс реформ, был создан еще один религиозный орден – Общество Иисуса¹⁷⁷.

5. Иезуитский вызов

*Преодолей себя.
Любимое изречение святого Игнатия Лойолы*

После 1570 года братья Общества Иисуса начали прибывать в Новый Свет и стали быстро вытеснять прежде могущественные другие религиозные ордена – даже францисканцев, которые сыграли столь важную роль в первые пятьдесят лет испанского имперского владычества в Индиях.

Общество Иисуса было плодом контрреформации, в особенности в том, что касалось образования. Орден был учрежден 27 сентября 1540 года в Париже, где десять мало кому известных молодых людей, преимущественно испанцев, над которыми потешались за их ломаный итальянский, получили папское благословение своих усилий. Вожаком этой группы был баск Игнатий Лойола. К 1556 году, когда Лойола скончался, Общество насчитывало 1500 братьев и владело шестьюдесятью пятью миссиями. Испанское влияние в новом ордене неизменно продолжало ощущаться на протяжении всех этих лет, поскольку главными советниками Лойолы были сплошь кастильцы: Хуан Альфонсо де Поланко, уроженец Бургоса, учившийся в Париже; Херонимо Надаль из Пальмы-де-Майорки; Диего Лайнес из Альмасана в Сории; валенсиец Хуан Херонимо Доменек. Последний вскоре получил назначение в качестве представителя ордена на Сицилию. Франсис Хавьер (Франциск Ксаверий) из Хавьера в Наварре и Косме де Торрес из Валенсии окормляли Индию и Японию. К 1556 году в Испании действовало сразу несколько иезуитских колледжей¹⁷⁸. Франсис Борха, бывший вице-король Каталонии и герцог Гандийский, стал «суперьором» (для него придумали особый титул) Испании в 1554 году. Аналогичные организационные принципы применялись в Италии, особенно в Апулии, где религиозное невежество оказалось столь велико, что позволяли себе шутить насчет «итальянских Индий» (почти то же самое в Испании говорили об Астурии).

Основой преподавания и обучения во всех этих колледжах служил документ под названием «Ratio Studiorum», план образования, опубликованный в 1599 году. Составил этот план фра Клаудио Аквавива, выходец из неаполитанской аристократической семьи, и, согласно документу, образование, по сути, сводилось к изучению классических дисциплин. До сих пор ни один религиозный орден не уделял пристального внимания образованию. А вот иезуиты с колокольчиками в руках уводили детей в школу по всему миру. Даже знаменитому (и весьма вспыльчивому) драматургу Лопе де Веге довелось посещать иезуитскую школу.

Игнатий (Игнасио, Иньиго) Лойола¹⁷⁹, вдохновитель этого нового ордена, родился в 1491 году в небольшом семейном замке в Гипускоа, на дороге из Аспетии в Аскотию, примерно в двадцати милях от Сан-Себастьяна в Стране басков. Его отец часто отсутствовал дома, участвуя в военных походах, и за мальчиком присматривали два старших брата, один из которых, Педро Лопес де Лойола, был священником (другой, Мартин Гарсия де Лойола, был солдатом). Учился Игнатий у Хуана Веласкеса, алькайда (командира) крепости Аревало в Кастилии, двоюродного брата Диего Веласкеса, первого губернатора Кубы. Вплоть до 1521 года юноша выказывал большой интерес к оружию и ратному делу, увлекался азартными играми, завел несколько интрижек, и у него даже родился бастард. Затем, при осаде Памплоны (1521), его ранили в ногу, другую он сломал, и ему пришлось дважды перенести операцию. На долгое время он остался калекой и вынужденно томился в отцовском замке, а ухаживала за ним невестка Магдалена. Он просил принести книги о рыцарях, но по ошибке вместо популярных рыцарских романов наподобие «Амадиса Галльского» и «Тиранта Белого» ему в руки попала «Vita Christi» («Жизнь во Христе») Лудольфа Саксонского, сочинение конца четырнадцатого века, выдержавшее множество изданий в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях.

Лойола вознамерился сравняться свершениями со святыми, чьи жизнеописания он прочитал, и подумывал о том, чтобы вступить в знаменитый картезианский монастырь в Севилье, но это желание остыло – те монахи-картезианцы, с кем он был знаком, виделись ему празднотелами. Потому он отправился в Каталонию, сперва в бенедиктинский монастырь Монсеррат, а затем чуть севернее, в Манресу, где целый год предавался суровой аскезе в пещере. Там же он сочинил свои «Духовные упражнения» (1522).

В начале 1523 года Игнатий двинулся в Рим, где в марте получил благословение строгого папы-фламандца Адриана VI. Несомненное личное обаяние (если угодно, магнетизм) Игнатия уже начало оказывать влияние на церковь. Возвратившись в Испанию нищим – в намерении совершить паломничество в Святую землю ему отказали, – он изучал латынь в Барселоне, а затем обучался в Алькала-де-Энаресе и Саламанке. Во втором из этих городов его арестовали, заподозрив в нем реформиста. В 1528 году он уехал в парижскую Сорбонну, где познакомился с савояром Пьером ле Фером (Петр Фавр), наваррцем Франсиско Хавьером из одноименного города в Астурии и тремя кастильцами: Диего Лайнесом, о котором уже упоминалось, Альфонсо Сальмероном из Толедо и Николасом Бобадилей (настоящее имя – Николас Алонсо Перес из Боадильи-дель-Камино в Паленсии), сыном *converso*, учившимся в Вальядолиде. Также Лойола встретил португальца по имени Симон Родригеш. Среди прочих первых «*Igniguistas*»³³ (как их называли в то время) были савояр Клод ле Жей и два француза, Паскасио Броэ и Жан Кодюр. Впрочем, первым полноценным последователем Лойолы стал Хуан Альфонсо де Поланко, который сделался его секретарем, а первым немецким «рекрутом» оказался Петер (Петр) Канизий, защитивший докторскую диссертацию в Кельне. Большинство перечисленных персон были докторами философии¹⁸⁰. К тому времени Лойола уже обзавелся разрешением папы на привлечение последователей служения Христу.

К оным вскоре добавились Пьетро Контарини и Гаспар де Диоктис, оба из Венеции. Группа целиком отправилась пешком в этот город зимой 1536 года, а оттуда двинулась в Рим, но сам Игнатий остался в Венеции. В Риме последователей Лойолы приветствовал Педро Ортис, полномочный представитель императора, а также беспокойный гений кардинал Каррафа, которому вскоре предстояло стать нетерпимым папой.

Странники возвратились в Венецию, где Игнатий, Хавьер и пятеро других были рукоположены. Далее группа отправилась странствовать по Италии, а к 1537 году *Igniguistas* уже стали называться «Обществом Иисуса». Игнатий снова направился в Рим в компании Ле Февра и Лайнеса, и в Ла-Стории, на окраине Рима, им было видение Христа. Иисус рек Лойоле: «Я буду милостив к тебе». Кардиналы Ортис и Контарини (венецианец, полагавший иезуитов «особыми духовными сыновьями во Христе») оказали новому ордену существенную поддержку, Ортис провел сорок дней с Лойолой в монастыре Монте-Кассино на полпути между Неаполем и Римом. Затем они перебрались в здание на Капитолийском холме в Риме, и там в мае 1538 года состоялось общее собрание. Кардинал Каррафа даровал иезуитам позволение проповедовать и отправлять таинства¹⁸¹.

Новый орден, то есть Общество Иисуса, в 1540 году получил папское одобрение, и Лойола стал его генеральным настоятелем («генералом») в апреле 1541 года. Пьетро Кодачо представил иезуитам пожалованную ему папой церковь в Риме. Вскоре Каррафа, ныне папа Павел III, затеял строительство нового храма, легендарной Джезу³⁴; архитектором считается Джакомо Виньола (работал до 1575 года), но фасад является творением Джованни де Розиса и Дж. Тристани.

³³ Букв. «иньиговистов» (*исп.*), последователей Иньиго (Лойолы).

³⁴ Имеется в виду римская церковь Дель Сантиссимо Номе ди Джезу, Святейшего имени Христова; в этой церкви был позднее похоронен И. Лойола.

Игнатий закончил первый набросок своих «Конституций», новых правил нового порядка, в начале 1550 года, будучи в Риме, где он и умер 31 июля 1556 года. В «Духовных упражнениях» он выражал надежду, что обретет способность к «внутреннему познанию своих грехов и отвращение к ним»³⁵. Это необходимо, «дабы по крайней мере боязнь наказания удержала меня от греха».

Пятое упражнение представляло собою размышление об аде. Перво-наперво, утверждал Лойола, «следует представить себе длину, ширину и глубину ада... Представить мысленно огромные языки пламени и души [осужденных], как бы заключенные в раскаленные тела». Далее следовало «услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его... Почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили... Внутренне ощутить горькое – слезы, скорбь и угрызение совести... Представить, что мы сами осязаем этот огонь, как он прикасается к душам и сожигает их»¹⁸².

Души в аду можно разделить на три группы: «первая – это погибшие до пришествия Христа; вторая – погибшие при Его жизни; третья – погибшие после Его пребывания на земле» (таковых большинство). По Лойоле, уместнее и «лучше использовать тонкие веревки, которые причиняют лишь внешнюю боль, нежели что-либо иное, способное вызвать внутреннее заболевание, которое может оказаться весьма серьезным».

На второй неделе упражнений следовало вообразить, как считал Лойола, «некоего земного царя, избранного самим Богом, которого должны почитать и слушаться все христианские князья и народы». И этот земной царь заговорит со всеми людьми и скажет: «Воля моя [такова] – покорить неверных всей земли». Нужно стремиться «к почету более, чем к презрению» и жаждать наступления «времени спокойствия, когда душу не тревожат разные духи и она пользуется своими природными силами свободно и спокойно», а Люцифер был «смертельным врагом человеческим».

На третьей неделе необходимо вообразить себе горницу Тайной вечери: «большая ли она или нет, и какого она вида»; далее следует «увидеть участников Вечери, и, обращаясь [мыслю] в себя, постараться извлечь из этого какую-либо пользу», «слушать то, что они говорят, и подобным же образом постараться извлечь из этого какую-либо пользу», «смотреть на то, что они совершают, и извлечь из этого какую-либо пользу». Затем воображается «дорога от горы Сион в долину Иосафата, также к [Гефсиманскому] саду, широкая ли она, длинная ли, имеет ли такой вид или иной». За едой необходимо воображать, что ты восседаешь за столом с Христом и апостолами, представлять, как Христос ест и пьет, как смотрит и говорит. Еще следовало вспоминать о том, что апостолы были невежественными людьми и большинство из них принадлежало к низшим слоям общества.

Девятое правило «Упражнений» гласит, что имеется несколько причин, по которым люди ощущают себя в оставленности; первая и наиболее важная из них такова, что люди невежественны, ленивы и небрежны в своих духовных упражнениях, а потому по собственной вине не обретают утешения. Лойола хотел, чтобы у каждого иезуита были все книги, которые ему могут понадобиться для частных занятий; следовательно, требовался доступ к хорошей библиотеке.

* * *

Вдохновляясь этими «Упражнениями», иезуиты отправились в Перу в 1568 году. Они отплывали из Севильи и Санлукара-де-Баррамеды, ведомые фра Херонимо Руисом де Портильо, который прибыл из Риохи и вступил в Общество Иисуса в Саламанке. Он был исповедником главы канцелярии Вальядолида. Руис де Портильо и его собратья везли с собой мно-

³⁵ Здесь и далее перев. С. Лихаревой. Цит. по: Игнатий Лойола. Духовные упражнения // Орден иезуитов: правда и вымысел. М.: АСТ, 2007.

готовное собрание книг, а также несколько грамматик перуанских наречий. В пути корабль превратился в этакую плавучую школу, пассажиров и моряков разделили на группы по четыре человека, дабы они могли изучать «полезные и душеспасительные книги». Порта Кальяо путешественники достигли в марте 1568 года¹⁸³, а до самой Лимы добрались 1 апреля. Фра Диего де Бракамонте, первый ректор³⁶ нового сообщества, восторгался тем, что «сей город поразительно схож с Севильей». Вскоре иезуиты получили подходящее место для строительства колледжа, который станет известен как колледж Святого Павла, на улице Энфермерос (Санитаров). Этот колледж сделался центром преподавания *humanitas*³⁷, а еще здесь творил неугомонный фра Руис де Портильо и просвещал городских рабов фра Луис Лопес.

Четыре года спустя, в сентябре 1572-го, в Новую Испанию прибыла первая иезуитская миссия – дюжина братьев во главе с фра Педро Санчесом. Они успешно проповедовали в Пуэбле, а далее отправились в столицу. Иезуитские школы не замедлили появиться в центральных городах Новой Испании – в Паскуаро, Оахаке, Пуэбле и Тепосотлане, а также в Веракрусе на побережье Карибского моря. Сами иезуиты принялись осваивать местные наречия. К 1583 году в Новой Испании имелось восемь иезуитских миссий и 150 проповедников. Индейцы любили иезуитов, поскольку те, казалось, искренне интересовались жизнью туземцев¹⁸⁴.

Преемники Лойолы были менее творческими людьми, нежели он сам, однако им не откажешь в компетентности. Например, Диего Лайнес, как уже отмечалось, уроженец Альмасана в Сории, отправился в монастырь Алькала, где повстречал Алонсо Сальмерона, с которым вместе ездил в Париж на встречу с Лойолой в 1534 году. На Тридентском соборе Лайнес возражал против того, чтобы миряне пили вино евхаристии, и, судя по всему, полагал, что божественным правом власти наделены не мирские владыки, а епископы. Его преемник в должности генерала ордена иезуитов, Франческо Борха, был одним из самых необыкновенных людей той эпохи. Будучи сыном Марии Энрикес, он приходился кузеном императору Карлу V, чьей матери Хуане в 1555 году отпускал грехи на ее смертном одре. Также он приходился правнуком папе Александру VI. После нескольких лет на постах управленца, вице-короля Каталонии и придворного, Борха в 1548 году примкнул к иезуитам и учредил в Риме иезуитский университет, где преподавали древнееврейский, греческий, латынь, риторику и философию. Каждый день, кроме того, читались лекции по математике, по этике и сразу две – по схоластической теологии. Генералом ордена иезуитов Борха стал в 1565 году; он руководил братьями умело и с фантазией, важными качествами для периода активного утверждения ордена за океаном.

Наследовал Борхе в качестве генерала ордена голландец Эверард Меркуриан, который уделял пристальное внимание деятельности иезуитов на Востоке и назначил туда итальянца Алессандро Валиньяно. Преемником Меркуриана в 1580 году стал Клаудио Аквавива, родом из аристократической неаполитанской семьи, которая подарила миру герцогов Альтри и обогатила церковь несколькими кардиналами. Во многом Аквавива – вполне заслуженно – может считаться вторым основоположником ордена иезуитов.

Семнадцатого ноября 1579 года иезуиты фра Родольфо Аквавива, двоюродный брат генерала, и фра Антонио Монсеррат, отправились в дальнейшее путешествие ко двору императора Акбара из династии Великих Моголов; на этом пути в Агру их сопровождал крещеный мусульманин фра Франсиско Мохамеддан¹⁸⁵. Император радушно принял святых отцов; он сам был озабочен распространением собственной религии, которая представляла собою сочетание индуизма и ислама, а также черпала некоторые установления из других вероисповеданий. Фра Аквавива осудил ислам, а Мухаммада назвал лжепророком и неверующим человеком, что, разумеется, разгневало сторонников и последователей мусульманства. Великий Могол в

³⁶ В данном случае – руководитель общины.

³⁷ То есть изучения классики (античной риторики, философии и литературы).

итоге оказался в растерянности, хотя у него имелось желание оказать покровительство иезуитам. Вдобавок орден заручился поддержкой советника императора Абдула Фазиля, который много рассуждал, как он выражался, о «нелепостях Корана»¹⁸⁶.

На Дальнем Востоке иезуиты добились поистине невероятных успехов. Местные власти разрешили португальцам основать в 1557 году поселение в Макао, недалеко от нынешнего Гонконга. Так зародилась колония, просуществовавшая четыреста лет.

В 1559 году Косме де Торрес отправил португальского миссионера Гаспара Вилелу и некоего японца (который взял имя Лаврентий) распространять христианство в Японии. Валенсиец Торрес начинал с преподавания грамматики на Майорке. Затем он в 1538 году отплыл в Вест-Индию и в Новую Испанию, где стал сотрудничать с епископом Сумаррагой. В 1542 году он оказался капелланом тихоокеанского флота Лопеса де Вильялобоса (см. главу 27). К Обществу Иисуса он примкнул в Гоа в 1551 году, благодаря святому Франциску Ксаверию, которого сопровождал в Японию в 1548 году. Торрес провел в Японии два с половиной года, а затем отправился миссионером в Индию. Следует отметить, что он прожил весьма бурную жизнь.

Сегун, фактически премьер-министр Японии, позволил иезуитам высадиться на островах и проповедовать в 1559 году. Им удалось обратить в христианство нескольких «бонз» (буддийских священнослужителей Японии), но в целом Вилела окормлял разве что обитателей городских окраин. Иезуит по имени Врис, преемник Вилелы, писал: «Презируемый, ненавистный, побиваемый камнями, преследуемый всеми способами, отвергавшийся как недостойный, Вилела не прекращал делать все возможное для распространения веры»¹⁸⁷.

В Японии португальцы высадились в 1543 году в Тагосиме, на южном побережье острова Кюсю, и познакомили местное население с мушкетерами, что радикально изменило характер внутренних японских войн. Святой Франциск Ксаверий, один из ближайших соратников Игнатия Лойолы, в 1551 году познакомил Японию с христианством, проповедовал в Киото и в феодальных наделах на западе страны. Его принимали гостеприимно, некоторые местные феодалы поощряли крещение в надежде привлечь в свои края португальских торговцев. Однако догматическая нетерпимость, свойственная многим миссионерам-иезуитам, обернулась враждой с достаточно миролюбивым буддийским духовенством.

Итальянский иезуит Валиньяно покинул Лиссабон в марте 1574 года. Он прибыл в Гоа, и там ему пришлось провести десять месяцев в иезуитской миссии в ожидании корабля из Макао. Валиньяно потратил это время с толком, вызывая о том, что происходит в Китае. Он имел представление о попытках ранних христианских миссионеров утвердить европейскую веру в Китае: речь об иезуите Нуньесе Баррето (1555), доминиканце Гаспаре де ла Круссе (1556), иезуитах Франсиско Пересе и Джамбаттисте Рибере (1560 и 1568 года соответственно). Валиньяно сознавал, что все дальнейшие усилия по обращению Китая должны опираться на христиан, которые занялись изучением местного языка, и потому поручил итальянцу Микеле Руджери отправиться в Пекин и первым изучить китайский язык.

Но вскоре эту часть света сотрясли большие перемены. В Японии в 1568 году свирепый феодал Ода Нобунага захватил Киото и посадил на трон марионеточного сегуна Асикагу Есиаки, властителя области к востоку от Киото, причем действовал он по тайному поручению японского императора. Нобунага стал деспотом Центральной Японии, и начался так называемый период национального объединения. Соратник Нобунаги Тоетоми Хидэеси покорил большую часть Западной Японии, а гибель основных врагов на востоке страны позволила Нобунаге обезопасить свою территорию. Зато «проблема христианства» становилась все более насущной. Обращение в христианство в 1578 году Отоми Йошишиге, одного из наиболее могущественных феодалов острова Кюсю, стало величайшим триумфом иезуитов. Также на Кюсю Омура Сумитаба, местный господин, открыл в 1567 году порт Нагасаки для иностранцев.

Нобунага был убит в 1582 году, но ему наследовал Хидэеси. В последующие несколько лет он укрепил свою власть в Центральной Японии, и символом его побед стал огромный замок, построенный в Осаке.

Тогда в Киото насчитывалось 1500 христиан, а еще больше проживало в окрестностях города. Ими руководил секретарь первого священника Киото, который, когда «бонзы» потребовали изгнания португальского миссионера Вилелы в 1586 году, заявил, что воззрения последнего нуждаются в тщательной проверке. На самом деле этот секретарь тайно восхищался христианством, которое казалось ему глотком свежего воздуха. Возникали и другие оплоты европейской веры, а сам Нобунага, правивший твердою рукой, проявлял удивительную терпимость к христианству.

Новые товары и механизмы, наподобие часов и компасов, доставлявшихся из Европы, начали оказывать влияние на японскую экономику. Былые межрегиональные таможенные барьеры, которые препятствовали развитию торговли, были устранены, как и прежние торговые практики многих гильдий, что фактически представляли собой монополии. Расцвет искусств и обилие интеллектуалов сделали шестнадцатое столетие золотым веком для Японии. Типичными сооружениями того периода были скорее замки, а не монастыри, и замок Азучи-на озере Бива можно признать величайшим архитектурным триумфом Нобунаги. В июле 1579 года Валиньяно прибыл в Японию в качестве провинциала, намеренный действовать осмотрительно, однако радеющий за веру. Он обнаружил на островах 150 000 христиан и около шести десятков миссионеров, из которых большинство были монахами. По его распоряжению стали открывать семинарии для обучения новых проповедников.

Японии предстояло пережить драматический разворот политики при постаревшем Хидээси в 1587 году, а позднее с островов изгнали даже португальских миссионеров. Но иезуиты успели оставить на островах неизгладимый след.

* * *

Внучатый племянник святого Игнатия, фра Мартин Игнасио де Лойола, францисканец по орденской принадлежности, стал третьим – после Элькано³⁸ (1522) и английского мореплавателя Фрэнсиса Дрейка (1580), – кто совершил кругосветное плавание. Этот подвиг пришелся на 1581–1584 годы. Из европейской Испании фра Мартин отправился сначала в Новую Испанию, а затем покинул Акапулько и отплыл в Манилу с семнадцатью францисканцами в марте 1582 года. Он пересек Тихий океан и 24 мая добрался до Манилы. Оттуда двинулся в Макао, затем в Малакку, задержался в Индии и вернулся в Лиссабон к августу 1584 года. Его дневник был опубликован в Риме в 1585 году, как приложения к «Истории королевства Китай» августинца Хуана Гонсалеса де Мендосы. Эта книга, говоря современным языком, оставалась бестселлером на протяжении пятидесяти лет, и ее перевели на все основные европейские языки. Стоит отметить, что обе части книги охватывали весь мир.

В 1601 году Лойола-младший был назначен епископом Асунсьона и Рио-Плате, но умер по дороге к месту назначения, в Буэнос-Айресе в 1606 году. Гонсалес де Мендоса сам никогда не бывал в Китае, но, несомненно, заслуживает того, чтобы о нем помнили. Он отправился проповедовать в Новую Испанию в 1562 году, далее служил Богу в Мичоакане, а также в Мешико / Теночтитлане. В 1575 году он отплыл на Филиппины. Позднее Мендоса стал духовником Антонио де Падильи, главы совета по делам Индий, и был выбран королем Филиппом как человек, который возглавит посольство в Китай. Эта миссия осталась неосуществленной, зато он успел побывать епископом трех столь различных областей, как Липарские острова (близ Сицилии),

³⁸ Также встречается написание «Эль-Кано».

Чьяпас, бывшая епархия Лас Касаса в Новой Испании, и Попайян, на территории нынешней Колумбии. Подобные свершения вряд ли возможны в двадцать первом столетии.

К 1600 году иезуиты прочно обосновались в общественном сознании населения трех континентов как высокочтимые аристократы духа и мудрецы. Их пример воодушевлял и вдохновлял. Их часто обвиняли в высокомерии, однако они, как правило, были широко мыслящими людьми, интеллектуалами, способными на самопожертвование, выносливыми и чрезвычайно терпеливыми. Их достижения в первом столетии после основания ордена поистине поразительны. Когда Клаудио Аквавива, пятый генерал ордена иезуитов, умер в 1615 году, численность братьев достигала 13 000 человек, а по всему свету насчитывалось 550 миссий. Без сомнения, пуристы станут настаивать на том, что многие точки на карте, оказавшиеся центрами иезуитского влияния, формально не относились к империи Филиппа Второго. Но, если смотреть шире, именно орден иезуитов вдохновлял испанцев на великие дела.

Книга вторая Имперская Испания

6. Неприятности в Мексике

Все разговоры велись исключительно о празднествах и торжествах.

Хесус Суарес де Перальта, Мексика (1562)

Правителям испанской Америки давали пышные титулы вице-королей, губернаторов, генерал-капитанов или, особенно в начале шестнадцатого столетия, *adelantado*³⁹: этот чин ранее даровался тем, кто отбирал земли у испанских мавров. Аделантадо являлся по сути проконсулом, который с согласия короны предпринимал завоевательный набег за собственный счет и, при успешном завершении набега, становился счастливым обладателем государственной власти и наследственного права. На практике, впрочем, этот чин редко использовался дольше одного поколения.

Вице-короли оказались эффективными преемниками *ade-lantados* в Мехико / Теночтитлане и в Лиме. Они представляли в Новом Свете корону Кастилии и располагали как гражданскими, так и военными полномочиями. Жили они и вели себя так, словно были полноценными монархами.

Вице-королями Новой Испании в шестнадцатом столетии обычно становились аристократы: Антонио де Мендоса (1535–1550); Луис де Веласко (1550–1564); Гастон де Перальта, маркиз Фальсес (1566–1567); Мартин Энрикес де Альманса (1568–1580); Лоренсо Суарес де Мендоса, граф Корунья (не Ла-Корунья, 1580–1583); Педро Мойя де Контрерас, архиепископ Мехико, который управлял в период фактического «междоцарствия» (1584–1585); Альваро Манрике де Суньига (1585–1590); Луис де Веласко-младший (1590–1595); Гаспар де Суньига Асеведо, граф Монтеррей (1595–1603). Все они, кроме архиепископа Мойи де Контрераса, принадлежали к высшей знати¹⁸⁸.

В Перу вице-короли могли похвастаться не менее знатным происхождением и избытком благородной крови. Первым среди них был Бласко Нуньес, правивший с 1544 по 1546 год. Следом прибыл из Новой Испании Антонио де Мендоса, краткое правление которого длилось два года (1551–1552). Мендосе наследовал Андрес Уртадо де Мендоса, маркиз Каньете (1556–1560); далее правили Диего де Асеведо-и-Суньига, граф Ниева (1560–1564); лисенсиадо (см. Глоссарий) Лопе Гарсия де Кастро (губернатор. 1564–1567; он был *letrado*, человеком с университетским образованием, а не сановником); Франсиско де Толедо, величайший из испанских проконсулов (1568–1580); Мартин Энрикес де Альманса, также из Новой Испании, (1580–1583, он основал колледж Святого Мартина в Лиме); Фернандо Торрес-и-Португал, граф Вильярдомпардо, деревни в Хаэне, от которой он получил свой титул (1586, он имел толику крови королевской династии Португалии); Гарсия Уртадо де Мендоса, второй маркиз Каньете (1588–1595); Луис де Веласко-младший, снова выходец из Новой Испании, правил с 1596 по 1604 год. Последний перуанский вице-король сделал очень много для улучшения условий, в которых существовало большинство индейцев. Однако в целом наместники, как правило, предпочитали пребывать в блаженном неведении о проблемах туземцев.

³⁹ Букв. «высокочитимый» (*исп.*), наместник пограничной области.

В соответствии с кастильской традицией все муниципалитеты в пределах империи обладали некоторой степенью самоуправления в форме городских советов (*cabildos*), членами которых – здесь безоговорочно копировался кастильский образец – были советники (*regidores*), избранные местными жителями, и магистраты (*alcaldes*), отобранные советниками. До конца шестнадцатого столетия советников зачастую назначала корона, и при этом было довольно широко распространено нечто вроде передачи должности по наследству. Правда, порой в населенных пунктах проводились *cabildos abiertos*, собрания всех мужчин, владевших каким-либо имуществом. Несмотря на все более строгий контроль со стороны должностных лиц, назначенных короной, все муниципальные органы власти обладали исполнительными, судебными и даже законодательными прерогативами на своей территории. Время от времени появлялись защитники прав индейцев, которым иногда удавалось добиваться отдельных успехов. Финансами изначально управляли из Севильи, посредством крупного коммерческого предприятия Каса-де-ла-Контратасьон, что располагало штатом бухгалтеров, инспекторов, казначеев и факториалов (*contadores, veedores, tesoreros* и *factores*). Эта схема, с незначительными вариациями, применялась по всему испанскому Новому Свету.

В теории советников полагалось выбирать мужскому населению территории, владеющему собственностью. Второй глава верховного суда (*audiencia*) Новой Испании доктор Себастьян Рамирес де Фуэнлеаль поражался тому, сколь упорядоченной оказалась процедура избрания советников в американских поселениях. Он даже особо отмечал, что «вводить индейцев в состав испанских *cabildos* значит раскрывать им глаза на все те пороки, какие присущи испанцам»¹⁸⁹. Доброжелательный епископ Васко де Кирога придерживался схожих взглядов, как следует из его рассуждений о выборах в провинциальном городке Отумба, некогда захваченном Кортесом: выборы, по его словам, проводились столь четко и планомерно, что в это сложно было поверить.

Распространенным явлением в начальные дни существования испанской империи была *encomienda*, то есть приписывание какой-либо территории и ее обитателей к владениям конкретного конкистадора. Эта полуфеодальная система работала не слишком хорошо, поэтому ей вскоре стали предпочитать фиксированные квоты налогов и трудовых затрат. К концу шестнадцатого столетия смысл понятия *encomienda* уже сводился зачастую к праву поселенцев получать доходы от тех или иных местностей. Корона также брала на себя непосредственное управление многими энкомьендами – после кончины первого *encomendero*, владельца энкомьенды.

Другой обязанностью чиновников из числа *criollo* было устройство торжеств и празднеств. Современный историк Чарльз Гибсон проницательно заметил, что, если правители прекращали устраивать праздники, их переставали слушаться. Весьма похоже на поведение чиновников в Древнем Риме, не правда ли?¹⁹⁰

Во второй половине шестнадцатого века главным учреждением испанских и американских городов являлся *cabildo*, городской совет. Это слово часто использовалось в Испании, особенно в Андалусии, в качестве замены для слова *ayuntamiento*. В состав большинства *cabildos* входили два магистрата (*alcaldes*) и около десяти советников (*regidores*).

Основными официальными доходами, которые, как ожидалось, будут получать все имперские учреждения в Америке, были, во-первых, квинта (*quinta*), то есть пятая часть добычи (золота, серебра, бриллиантов и прочих драгоценных камней); во-вторых, таможенные пошлины (*almojarifazgo*); в-третьих, дань с *naturales* (туземцев); в-четвертых, иные налоги, например, *media anata* (средняя годовая рента на церковные и мирские учреждения) и *cruzada* (налог, суливший благую жизнь после кончины).

Помимо сбора налогов, экономическая политика испанской империи опиралась на принципы, которые позднее стали трактовать как «меркантилистские». На практике это означало, что торговля была монополизирована метрополией на родину и управлялась из Севильи; любая экономическая деятельность, способная составить конкуренцию испанской, была запрещена.

Развитие товарооборота между колониями сдерживалось бюрократическими препонами¹⁹¹, а торговля с метрополией велась только из Портобело и Номбре-де-Диос, порта Картахены (на территории нынешней Колумбии), и еще из Веракруса в Новой Испании.

В декабре 1556 года в Кадис назначили нового чиновника, которому полагалось регистрировать корабли, отплывавшие из этого порта в Индии; к тому времени песчаные отмели Санлукара стали доставлять столько хлопот морским кораблям, пытавшимся уплыть из Севильи, что обычный маршрут пришлось изменить. Этим новым чиновником был Хуан де Авила, которому вначале платили 112 000 мараведи (см. Глоссарий) в год; после 1557 года эта сумма возросла до 130 000 мараведи. С той поры все отплывавшие в Америку суда принимали груз на борт в Кадисе и отправлялись в плавание из кадисской гавани; но пассажиров регистрировали по-прежнему в Севилье, а всем возвращавшимся кораблям надлежало следовать напрямиком в Севилью, даже если они отплывали в Индии из Кадиса¹⁹². (Обратный путь вверх по течению Гвадалquivира был проще, и отмели мешали не так сильно.)

Несмотря на перечисленные ограничения, имелось немало положительного в контактах, которые позволяли установить культурные связи с Новым Светом. К примеру, особое внимание уделялось образованию. Университеты появились в Мехико / Теночтитлане и в Лиме (Сан-Маркос) в 1551 году, а в Санто-Доминго (имени святого Фомы Аквинского) – семь лет спустя. Во всех этих учебных заведениях использовался опыт университета Саламанки. Первая колониальная типография была открыта в Мехико / Теночтитлане вице-королем Мендосой в 1535 году. Ее руководителем стал Хуан Кромбергер, сын знаменитого Хакоба Кромбергера из Севильи. О степени его успехов можно судить по списку имущества в завещании (Хуан умер в 1540 году). На складах типографии хранилось 446 экземпляров «Амадиса Галльского», более 1000 экземпляров «Espejo de Caballerías»⁴⁰ (прозаического перевода романтического эпоса Матео Боярдо «Влюбленный Орландо»⁴¹) и 325 экземпляров трагикомедии «Селестина» Фернандо де Рохаса; у Хуана печатных книг было больше, чем упоминалось в завещании его отца Хакоба, скончавшегося в 1529 году¹⁹³.

Мексиканские писцы и художники ощутили себя востребованными в эпоху имперского правления: они писали христианские фрески и расписывали кодексы, которые считались способом учета дани с туземцев и юридическими доказательствами в судах. Многие мексиканские религиозные объекты были «адаптированы» под христианскую веру. Так, большая индейская чаша из базальта стала купелью для крещения в столичном соборе, пускай резьба на ней снаружи свидетельствовала, что ранее эта чаша использовалась в человеческих жертвоприношениях¹⁹⁴. Местные живописцы создавали замечательные композиции христианских образов на основе европейских печатных листов. Разрисовывание рукописей не только служило целям религиозной пропаганды, но и являлось дополнительным доказательством в спорах о наследовании и имуществе, о статусе и трудовых затратах. Кроме того, эти рисунки находили и иное применение: знаменитый, ныне утерянный *lienzo de Tlaxcala*, «холст из Тлашкалы» (ок. 1550) искажал историческую правду в угоду политике; на нем изображалось братание Шикотенкатля, владыки Тлашкалы, с испанцами в 1520 году, а опускалось то обстоятельство, что ранее этот владыка доблестно сражался против завоевателей¹⁹⁵.

В обеих Новой Испании (Мехико) и в Перу (Лима) 1560-е годы ознаменовались необычными событиями. Сначала обсудим происходившее в Новой Испании. С одной стороны, было достигнуто понимание между испанскими конкистадорами и покоренными индейцами. Контролируя американское общество сверху и опираясь на местных старейшин (тлатоков), Кортес

⁴⁰ «Кавалерское зеркало» (исп.).

⁴¹ По воле автора этого сочинения суровый рыцарь Роланд (Орландо) и другие герои каролингского эпоса сделали куртуазными придворными кавалерами, совершающими фантастические подвиги.

и его сотоварищи и преемники с легкостью подчинили себе тысячи индейских работников. Францисканский монах святой Мотилиния свидетельствовал об этом в своем опровержении «гнусных преувеличений», как он выражался, Бартоломе де Лас Касаса¹⁹⁶. В дальнейшем большинство индейцев перешло в прямое подчинение короны. Завоевание существенно ослабило недавно крепкие племенные союзы, наподобие тех, что имелись в Мексике, и укрепило менее сплоченные союзы, вроде Чалка¹⁹⁷. В 1564 году visitor Херонимо де Вальдеррама, гражданин Талаверы-де-ла-Рейна и выпускник университета Саламанки, докладывал королю, что святые отцы как будто надеются на скорое отмирание обычая выплаты дани. (Следует отметить, что эта индейская дань составляла немалый процент общего дохода колоний.) В 1561 году городской совет Мешико / Теночтитлана рекомендовал, чтобы шесть из двадцати четырех советников в городе впредь были индейцами. Следует «всемерно закреплять сотрудничество и близость двух народов». Современный историк Феликс Хинц полагает доказанным, что древние индейские культуры «никоим образом не подавлялись полностью, они искоренялись лишь частично, а многие [коренные] культуры благополучно пережили завоевание»¹⁹⁸.

Ряд реформ, на которых настаивали завоеватели, виделся безотлагательным – в первую очередь это отказ от человеческих жертвоприношений, ликвидация мексиканского жречества, установление моногамии, ликвидация прежних мексиканских школ и отмена былой системы дани. Другие реформы являлись менее очевидными, к примеру, стремление «гуманизировать» положение туземцев-рабов по сравнению со свободными работниками и вообще положить конец практике рабовладения. Также вскоре испанская корона позволила индейским принципалам – бывшим аристократам павшего режима, членам старых королевских семейств и даже просто старейшинам – носить мечи, пользоваться огнестрельным оружием и ездить на оседланных и взнузданных лошадях. Некоторые местные князьки вернули себе прежние титулы и владения и обрели возможность передать имущество и чины своим потомкам¹⁹⁹.

Надежные маршруты снабжения к тому времени связывали город Мешико с портами Карибского бассейна, причем доставка грузов становилась все проще и эффективнее. Уже в 1540 году обозы в сотню мулов исправно передвигались от Веракруса к Мешико / Теночтитлану и обратно, а чуть позже Такуба, расположенная недалеко от столицы на западе, регулярно получала по 3000 лошадей. К 1600 году в Мешико ежедневно прибывало 3000 мулов.

Частные испанские *гасиенды*⁴² (фермы), свободные от каких-либо феодальных оброков или обязательств «отслужить», к 1560 году существенно потеснили *энкомьенду*. Трое детей Монтесумы сравнительно просто добились причисления к испанскому колониальному дворянству. Несколько лет спустя туземцы-советники города Уэхосинго на восточном склоне вулкана Истаксиуатль («Белая женщина») благодарили монарха за важные для них особенности испанской политики: «Вашему Величеству следует знать, что благо, коим всех нас наделили, душевно и телесно, через поселение [в новом городе], вызывает восторг, неподвластный описанию. Теперь любой из нас, если захворает, может исповедаться и принять отпущение грехов, а его сосед может помочь ему, и, он если того захочет, этого человека похоронят в церкви... Еще мы ныне вольны приходить и слушать проповеди и мессы и жить вместе, как подобает людям... Все это было невозможно, покуда мы проживали по отдельности в горных долинах»²⁰⁰. Подобное утверждение выглядит довольно необычным и свидетельствует о благих последствиях прихода испанской империи в Новый Свет, пускай этими благами наслаждалось лишь меньшинство *naturales*. Город, о котором шла речь, ранее был *энкомьендой* конкистадора из старой Кастилии, Диего де Ордаса (соратника Кортеса).

Сотрудничеству между народами, покорившим и покоренным, содействовало внедрение на американскую почву и распространение принципов кофратрии, мирского братства тех,

⁴² Правильнее «асиенды», однако слово «гасиенда» уже успело получить хождение в русском языке.

кто чтил какое-либо божество или Приснодеву. Членство в таком братстве сулило духовное утешение и порождало ощущение коллективной идентичности. Возникли кофрадии в старой Испании. В одной только Севилье насчитывалось не меньше дюжины братств, основанных еще в пятнадцатом столетии (некоторые из них, отмечу, уцелели до двадцать первого века). Некоторые из них учредили собственные «филиалы» в Мексике шестнадцатого столетия, а еще больше таких заокеанских «представительств» появилось век спустя. Широко мысливший францисканский миссионер Педро де Ганте с 1520-х годов пытался сочетать христианские обряды и практики с местными обычаями и традициями. Американские кофрадии потому нередко возникали на территориях, где ранние миссионеры рассказывали о каком-либо конкретном святом или о какой-то священной реликвии. Зачастую подобные культы становились своего рода «синкретическим компромиссом» между христианством и язычеством²⁰¹.

Новая Испания после завоевания во многом осталась такой же, какой была; как пишет Жак Сустель в своей замечательной книге «Повседневная жизнь древней Мексики», это была «мозаика городов»²⁰². Кабеса, то есть главный город, являлся местом проживания старой аристократии, центром сбора дани, а также «фокусом» для найма рабочей силы. Но уже во втором поколении после завоевания бывшая индейская аристократия лишилась прежней власти и могущества, а потому изменились и условия сбора дани, и политика трудового найма. Достаточно быстро «ядерной общиной» Новой Испании сделалась частная гасиенда²⁰³, причем вопреки тому, что все коррехидоры (советники) декларировали приверженность христианским принципам, в том числе обязательствам справедливо относиться к индейцам и их владениям, требовать от испанцев, например, не наносить урон местным сельскохозяйственным угодьям при выпасе своих стад. Тем не менее к 1560-м годам из тридцати шестидесяти энкомьенд в одной только долине Мешико одиннадцать вернулись под контроль короны и обеспечивали три четверти дохода от общего количества энкомьенд²⁰⁴. Эти владения изъяли после кончины первых владельцев, и это сулило возможность новых перераспределений земель.

Второй вице-король Луис де Веласко, как и его предшественник Антонио де Мендоза, был знатным аристократом. Родился он, как считается, в 1511 году в историческом городке Каррион-де-лос-Кондес, недалеко от Паленсии в Кастилии. Выше уже говорилось о нем как о радушном хозяине, любителе лошадей и скачек²⁰⁵. Он, кстати, сумел устроить так, что его жалованье было на четверть больше жалованья Мендосы²⁰⁶. Между прочим, именно Веласко осуществил грандиозное изменение экологического свойства. Завоевавшие новый мир испанцы не задумывались над тем, что везут за океан привычные, «дедовские» методы ведения сельского хозяйства и привычный домашний скот. «Пасторализм», наряду с цыплятами, свиньями, осликами, козами, овцами, крупным рогатым скотом, мулами и лошадьми, оказался еще одним «конкистадором», подобно людям, что привезли с собой этих животных и птиц. Вдобавок у испанцев имелись собственные заботы. Например, первое поколение конкистадоров решительно вырубало деревья: древесина шла на строительный материал и на топливо. Испанские плуги кромсали почву куда глубже, чем туземные палки-копалки, а крупный рогатый скот и овцы глодали траву до корней (что провоцировало эрозию). К концу шестнадцатого столетия встречались стада овец в 12 000–15 000 голов – ведь при надлежащих условиях и уходе поголовье способно было удвоиться в течение года²⁰⁷.

Некоторые перемены были поистине замечательными. Так, выращивание кактуса магуэй (разновидность агавы) всячески стимулировалось вследствие привязанности нового поколения индейцев к алкогольному напитку пульке, которым пытались унять беспокойство, вызванное разгулом эпидемий и крахом старого общества. Крупные маисовые плантации к 1570 году тоже оказались в руках испанцев. Тем не менее завоеватели продолжали пользоваться прежними способами обработки земли, например, высаживали растения на пригорках ровными рядами (от пяти до шести рядов на возвышенности, до 4000 рядов на акр).

В ту пору в золотой долине Мешико доминировала огромная энкомьенда в Шилотеке, которую сначала выделили Хуану Харамильо, *extremeno*⁴³ из Сальватьерра-де-Баркарроты, местечка неподалеку от Херес-де-лос-Кабальерос. Харамильо был женат на Марине, знаменитой переводчице Кортеса, отсюда и размер его энкомьенды. В 1560-х годах области угрожали набеги чичимеков, нападавших на оседлых индейцев отоми (чей пик могущества пришелся, как представляется, на начало века), а также на испанских поселенцев²⁰⁸. Эти набеги происходили в период, когда плуг уверенно вытеснял туземные палки-копалки, когда поголовье скота повсеместно прирастало и когда одну культуру – обычно маис или пшеницу – выращивали везде в ущерб разнообразию зерновых культур в прошлом.

Несмотря на эти изменения в сельском хозяйстве, какой-либо сопоставимой революции в пищевых привычках индейцев, похоже, не произошло. Местное население продолжало придерживаться преимущественно маисовой диеты с солью из озера Тескоко, а также питалось различной водяной живностью – лягушками, пресноводными креветками, саламандрами, личинками стрекоз, водяными змеями; еще индейцы ловили и употребляли в пищу уток и гусей, других птиц, койотов, диких собак, оленей, броненосцев и ласок. Маис поедали по-прежнему в тортильях, которые выпекали к каждому приему пищи (в отличие от хлеба, эти лепешки уже через несколько часов после выпечки черствели)²⁰⁹. Собачатину ели по праздникам. Имелось множество туземных напитков, в большинстве своем алкогольных: мескаль, чингито, *sangre con conejo* (кровь кролика), а также жидкий шоколад из бобов из Колимы или Сокунуско.

К концу шестнадцатого столетия использование всех пастбищных угодий, пустырей, лесов и вод Новой Испании было доступным для всех. Можно даже сказать, что животные паслись повсюду, где росла трава. Местных животных, пасущихся на земле, в Индиях не было, поэтому не имелось старых правил, регулирующих использование пастбищ, – по контрасту с Испанией, где на поведение фермеров оказывали сильное воздействие множество древних, весьма сложных законов и обычаев. Очень часто в старой Испании фермеры-скотоводы также являлись земледельцами, то есть сами пахали землю, а не просто растили скот. В Новом Свете «пасторалистами» являлись белые европейцы, а все земледельцы были *naturales*. Владельцами крупного рогатого скота всегда тоже являлись европейцы, а правами коренных земледельцев охотно и умело пренебрегали. Чтобы сохранить контроль над пастбищами, испанцы часто прибегали к помощи африканских рабов, крепких телом, равнодушных к чужим страданиям и безжалостных; нередко эти рабы оказывались эффективным орудием в руках испанских землевладельцев. К слову, большинство пастухов в ранние дни испанского владычества в Новом Свете составляли чернокожие, свободные и рабы.

Транспортировка по озерам людей и грузов, как и до 1520 года, осуществлялась на больших каноэ, выдолбленных из цельных древесных стволов. Эти каноэ имели неглубокую осадку и квадратный нос, хороший плотник мастерил такую лодку всего за неделю или около того. Индейцы нисколько не утратили прежних навыков в этом ремесле, тогда как испанцы пользовались в основном выючными животными или колесными транспортными средствами.

Естественно, возникало и длилось соперничество между энкомьендеро и пасторалистами, пускай все они были испанцами по происхождению. Первые воспринимали свои энкомьенды как будущие крупные поместья, где они сами станут решать, что им хочется выращивать. Своих «подотчетных» индейцев они привлекали к чрезвычайно разнообразным видам предпринимательской деятельности.

В долине Мешико в конце шестнадцатого века насчитывалось, по разным сведениям, до двадцати шести ферм, каждая из которых высаживала менее двадцати фанег (см. Глосса-

⁴³ Уроженец Эстремадуры (*исп.*).

рий) пшеницы²¹⁰, что составляло около 5 процентов от общего производства зерна в регионе. Еще имелось до восьмидесяти умеренно крупных фермерских хозяйств, которые производили около 70 процентов зерна, засевая в среднем от двадцати до девяносто фанег каждая; и до семи крупных хозяйств, производивших 22 процента зерна. Большинство пшеничных полей к 1570 году занимали приблизительно по 150 акров, а наибольшее по размерам поле достигало 600 акров²¹¹. Территория под пшеницу, как явствует из документов, выросла вчетверо с 1560 по 1600 год, а производство зерна как будто увеличилось двенадцатикратно²¹².

Вице-король Веласко сделал многое для избавления индейских деревень от животных, ради того, чтобы предотвратить использование земли для выпаса скота безответственными пасторалистами. Даже права на общинные пастбища не действовали в пределах лиги (трех миль) от деревень, а выпас на стерне официально ограничили двумя «последующими» месяцами. Однако к 1600 году, вследствие вымирания коренного населения, пасторалисты затеяли, как выразился выдающийся калифорнийский историк Лесли Берд Симпсон, «экологическую революцию громадных масштабов»²¹³. Эта революция, если она была таковой, стала результатом появления *latifundia* (больших поместий), одни из которых создавались энкомьендеро, а другие становились плодами деятельности религиозных орденов. Так, иезуитская *гасиенда* Санта-Лусия в долине Мескиталь вызывала всеобщую зависть²¹⁴.

В теории, распределяя тщательно «нарезанные» энкомьенды, испанская администрация делала все возможное, чтобы соблюсти права множества землевладельцев-индейцев. Например, Монтесума располагал исключительно крупным частным родовым наследством, полученным от отца. Но разрушения, причиненные вторжением и алчностью испанцев, покончили, по сути, с этой практикой, Кортес щедро раздавал энкомьенды и раздаривал земли своим товарищам. В первые сто лет после завоевания возникло до 850 частных испанских владений в долине Мешико²¹⁵.

Частные местные владения принимались как таковые, если удавалось доказать, что они унаследованы от частных лиц в период до завоевания. Но депопуляция территории из-за массового вымирания местного населения шла такими темпами, что многие земли оставались без хозяина на протяжении месяцев.

Испанцы также стремились уничтожить все, что хоть отдаленно напоминало о былом величии Мексики. Потому запретили индейские игры в мяч, сочтя, что игроки прибегают к колдовству или к ворожбе. Заодно запретили церемонию воладор, когда индеец спускался с высокого шеста, крутясь вокруг шнура, прикрепленного к макушке этого шеста, и постепенно достигал земли. Однако и игры, и воладор выжили, несмотря на запрет. Изменилась и одежда туземцев. Ткани теперь обычно изготавливали из волокон кактуса магуэй, из хлопка и даже из шерсти. Магуэйская ткань (хенекен или сизаль) постепенно подменялась хлопком, изготовление которого было в значительной степени делом женщин (правда, иногда за прясло брались и мужчины).

В целом испанцы Нового Света, будущие *criollos* и местные индейцы добились удивительных достижений, стараясь удовлетворить интересы друг друга. Если забыть на время о вполне объяснимых предрассудках, можно сказать, что подобная гибкость мышления заслуживает уважения применительно к обоим народам и их культурам.

7. Сыновья конкистадоров просят слишком много

*Madrastra nos ha sido rigurosa
Y dulce madre pía a los extraños.
[Для нас она была мачехою жестокой
И нежной матерью для чужестранцев].*

Франсиско де Террасас, Новая Испания

Хищные притязания и амбиции потомков конкистадоров стали в 1560-х годах в Новой Испании источником серьезных проблем. Все началось с возвращения из метрополии Мартина, старшего сына Эрнандо Кортеса, второго маркиза дель Валье. Мартина сопровождали его сводные братья, Луис и Мартин-второй, потомки великого конкистадора от Антонии де Эрмосиллы и переводчицы Марины соответственно.

Второй маркиз дель Валье, родившийся в 1533 году, был сыном Кортеса и его второй супруги, Хуаны Рамирес де Арельяно, племянницы богатого и влиятельного герцога Бехара; вырос он при императорском дворе в Испании. Мартин Кортес сопровождал короля Филиппа во Фландрию в 1548-м и входил в состав посольства испанских грандов, которые отправились в Лондон в 1554 году, чтобы присутствовать на бракосочетании Филиппа с королевой Марией Тюдор. Также Мартин участвовал в трагическом походе в Алжир (вместе с отцом) в 1541 году и сражался в победной битве при Сен-Кантене с графом Эгмонтом в 1558 году. Все имущество отца, включая 23 000 подданных, досталось именно второму маркизу, и тот в одночасье сделался исключительным богачом. Король Филипп направил его в Новую Испанию в 1563 году²¹⁶.

Общая площадь владений Мартина Кортеса в Новой Испании составляла 50 000 квадратных миль и приносила ежегодный доход в размере 80 000 песо. Это был весьма солидный доход, благодаря которому Мартин являлся, пожалуй, обладателем крупнейшего в мире частного состояния. В его собственности находились, среди прочего, города Такубая и Койоакан в долине Мешико и земли в Оахаке.

В Новой Испании второй маркиз повел себя одновременно спесиво и дерзко. Он добивался того, чтобы его признавали вторым человеком в этих краях после вице-короля. По его распоряжению изготовили большую серебряную печать с гербом рода Кортесов и короной; надпись на печати гласила: «MARTINUS CORTESUS PRIMUS HUIUS NOMINIS DUX MARCHIO SECUNDUS», то есть «Мартин Кортес, первый герцог этого имени и второй маркиз»²¹⁷. Впервые этой печатью воспользовались для подтверждения уплаты королевской квинты, и ответственный чиновник Ортуньо де Ибарра, новый гранд Новой Испании, отмечал, что не подобает аристократу применять печать, схожую с королевской. Вице-король конфисковал эту печать и отправил ее в Испанию.

В августе 1563 года Мартин Кортес отказался встретиться с инспектором короны (visitor) Херонимо де Вальдеррамой и вице-королем Луисом де Веласко. Вместо того второй маркиз устроил для инспектора собственный, частный прием, чрезвычайно пышный и торжественный, что разъярило Веласко (как Мартин и рассчитывал). Следует отметить, что разница в полномочиях вице-короля и инспектора короны для стороннего наблюдателя и для самих заинтересованных лиц оставалась мизерной, и Мартин Кортес своим вызывающим поведением лишь усугубил ситуацию. В начале своего визита Вальдеррама даже остановился под кровом второго маркиза. Возникли ожесточенные препирательства по этому и другим протокольным поводам, которые (как случается в человеческих взаимоотношениях) привели к широко распространив-

шейся вражде. Потомки былых врагов Эрнандо Кортеса, к примеру, отпрыски друзей губернатора Веласкеса, все ополчились на нового маркиза. Словом, вражда 1520-х годов вспыхнула вновь.

Однако наиболее существенные проблемы Новой Испании были связаны с энкомьендами и их владельцами. Исабель Монтесума, дочь бывшего «императора» ацтеков и *encomendera* Такубы, столь щедро тратила деньги, что покровителям-августинцам пришлось просить ее, что называется, умерить пыл. Новые законы 1542 года, призванные защитить коренное население и ограничить произвол со стороны владельцев энкомьенд, пока не действовали в полном объеме; мало того, их суть во многом оставалась непонятой, но многие испанские поселенцы начали думать, что корона намерена в скором времени ликвидировать все энкомьенды. Обладание «крепостными» индейцами на территориях энкомьенд внезапно оказалось под запретом, и это касалось каждого – вице-короля, чиновников, духовенства и монастырей. Также было объявлено, что новых энкомьенд выделять отныне не станут. По смерти владельца энкомьенда подлежала возвращению в распоряжение короны, а не передавалась по наследству. Судьбу индейцев такой энкомьенды предстояло решать коррехидору, чиновнику с широкими полномочиями (корона обнаружила, что в Новом Свете такие чиновники крайне полезны). Индейцу, продолжавшему трудиться в энкомьенде, полагалось выплачивать ее владельцу дань – в денежной или натуральной форме. Однако более не допускалась замена этой дани какими-либо услугами личного свойства.

Несмотря на «наследие доброй воли», оставленное первым вице-королем Новой Испании Антонио де Мендосой, 1560-е годы были отмечены ростом недовольства среди наиболее могущественных испанских поселенцев, и это обернулось нарастанием напряженности в обществе. Массовая гибель индейцев вследствие заболеваний наподобие тифа (*matlazhuatl*) также провоцировала усугубление противоречий. Сокращение численности населения требовало спешного восполнения рабочей силы²¹⁸.

Еще один повод для беспокойства поселенцев заключался в том, что индейцы достаточно быстро осознали: возмещение при любых спорах и конфликтах может быть получено через суд. Вице-король Веласко (1550–1564) отчасти оказался невольным виновником этого: именно он разослал по территории Новой Испании инспекторов, обязанностью которых было изучить сельскую местность на предмет злоупотреблений. Подобный шаг был, несомненно, новаторским применительно к туземцам и в какой-то степени служил своего рода компенсацией за повальное распространение страшных болезней, поскольку оспа, тиф, корь и даже грипп вели к беспрецедентному вымиранию местного населения. Две наихудшие эпидемии случились в 1545–1548 и в 1576–1581 годах (вымерло около половины коренного населения), а локальные поветрия зачастую приводили к сопоставимым потерям на менее обширных территориях²¹⁹.

Поселенцы прибегали ко многим незаконным методам, стараясь справиться с проблемами, вызванными эпидемиями и инфекционными заболеваниями. Так, они заставляли индейцев работать в небольших мастерских (*obrajes*), где производили шерстяную ткань; появление подобных рабочих мест было естественным следствием развития овцеводческих хозяйств. В этих мастерских первоначально трудились преступники и рабы, но позднее туда начали отправлять и свободных индейцев. Еще с 1530-х годов нанимали за плату сельскохозяйственных работников²²⁰, но имелось множество *obrajes*, чьи владельцы фактически запирали свой наемный персонал в мастерских, снаружи патрулировали охранники, и такие мастерские являлись, по сути, тюрьмами. В Тешкоко было восемь *obrajes*, в Шочимилько и Аскапоцалько – четыре и две соответственно. К 1595 году новый город Пуэбла-де-лос-Анхелес располагал сорока мастерскими-*obrajes*, и на каждой из них числилось в среднем по сорок пять работников (а на крупнейшей – и вовсе 120 человек)²²¹. В 1573 году эти новые мастерские производили 50 000 рулонов шерстяной ткани в год²²².

Другим источником роста социальной напряженности было то обстоятельство, что сыновья первых конкистадоров нередко возмущались чрезмерно добрым обращением францисканцев с индейцами. Кем были эти грубые мирские личности, скажем, для Антонио Валериано, заботливого правителя-индейца города Мешико на протяжении многих лет, отлично владевшего латынью и переводившего Вергилия? Валериано был одним из выдающихся ученых Новой Испании и женился на племяннице Монтесумы. Что думали отпрыски конкистадоров о фра Баутисте де Контрерасе, который, подобно Валериано, был выпускником францисканской школы Санта-Крус-де-Тлателолько и перевел на науатль сочинения Фомы Кемпийского? Кроме того, на Рождество 1553 года индеец из Аскапоцалько Франсиско Пласидо сочинил гимн, в котором ангелы, восхвалявшие рождение Иисуса, были выведены в образах, появились как кечолли, птицы Тлалока⁴⁴. Три восточных царя, явившиеся приветствовать Христа, именовали того «драгоценностью и кецалем»⁴⁵, а жертвы избиения младенцев, устроенного царем Иродом, сравнивались с осколками лопнувшего яшмового ожерелья.

Такие сопоставления виделись опасными. Некий чиновник по имени Херонимо Лопес в 1550-х годах неоднократно предрекал, что обучение коренных народов Америк латыни и «наукам» приведет к ереси и мятежу: «Посему какую пользу принесет индейцам изучение латыни? Разве что они станут понимать, лепечет ли испанский священник глупости или нет»²²³. Лопес не был одинок в своих опасениях. Церковный совет в 1555 году постановил, чтобы все гимны и песни авторства индейцев подвергались цензуре.

Сокращение численности населения, нехватка рабочей силы и чреватые потрясениями изменения в культуре индейцев – все это оборачивалось проблемами для сыновей конкистадоров в 1560-х годах. Неизбежный «прорыв» произошел в типично темпераментной и яркой манере. В доме второго маркиза дель Валье в 1560-х проводилось множество празднеств. Хесус Суарес де Перальта, ближний кузен маркиза (сын брата первой жены Кортеса), отменный и наблюдательный автор, писал: «Никто не говорил о чем-то, кроме праздников и увеселений, а таковых устраивалось больше, чем когда-либо прежде»²²⁴. Тратились и проигрывались колоссальные суммы. Как-то раз Мартин Кортес предложил тост и вызов, кто выпьет больше остальных, а всякому, кто откажется принять вызов, грозило расстаться с кубком, который Мартин пообещал лично разбить вдребезги. После маскарадов сотня пьяных мужчин в причудливых одеяниях отправлялись искать индейских девушек. Если коротко, второго маркиза, похоже, снедала неутолимая страсть к развлечениям.

Он также затеял судебный процесс против своего богатого двоюродного брата Эрнандо Гутьерреса де Альтамирано, который совершил ошибку, позвав Мартина на отличный обед, и который, как считал Мартин, задолжал ему денег. (Гутьеррес де Альтамирано приходился кузеном Эрнандо Кортесу, будучи сыном судьи *residencia* Диего Веласкеса, первого губернатора Кубы²²⁵.) Возвращение Мартина Кортеса из Испании в 1563 году подарило *criollos* Новой Испании (такowymi эти испанцы уже себя воспринимали) неведомую им доселе уверенность в будущем²²⁶. По рождению молодой Мартин явно превосходил тех испанских чиновников, с которыми ему доводилось вступать в контакт. Пошли даже разговоры о том, чтобы его короновать²²⁷. А вице-королем Новой Испании оставался Луис де Веласко, образец хороших манер, человек терпимый, благожелательный, гуманный, большой любитель лошадей, не желавший обязывать индейцев трудиться сверх положенного.

⁴⁴ У ацтеков Тлалок – бог дождя и грома и покровитель сельского хозяйства; священной птицей этого божества считалась цапля.

⁴⁵ То есть священной птицей (кетсаль, квезаль или кецаль – птица с зелеными перьями и малиновой грудкой, почитавшаяся индейцами Центральной Америки).

Веласко скончался 31 июля 1564 года от сердечного приступа; его сын позже утверждал, что смерть постигла отца преждевременно из-за дурного поведения маркиза-дель-Валье²²⁸.

Фернандо Бенитес описывал похороны Веласко как едва ли уступавшие в пышности погребению императора Карла V. Процессия двигалась от дома Ортуньо де Ибарра, официального представителя короны, до церкви Святого Франциска. В ее составе были шестеро епископов, судьи верховного суда, инспектор короны Херонимо де Вальдеррама и прочие скорбящие, а впереди шагали тридцать бедных индейцев и столько же бедных испанцев. (Легаспи, будущий завоеватель Филиппин, также присутствовал на церемонии, во главе отряда из 600 солдат, выделенных ему для покорения Дальнего Востока²²⁹.) Веласко стал первым вице-королем Новой Испании, скончавшимся при исполнении обязанностей за океаном. Тщательно продуманная пышность его похорон стала моделью для множества подобных барочных мероприятий, которые отличали колониальный стиль в Мексике.

Смерть Веласко в 1564 году оставила лакуну во власти Новой Испании. Единственными законными правителями оставались судьи Педро де Вильялобос и Херонимо де Ороско, а также Франсиско Сеинос, престарелый судья верховного суда. Назначения нового вице-короля пришлось дожидаться долго, хотя сын Веласко, тоже Луис, ожидал соответствующего послания от короны; в конечном счете послание поступило, но через несколько лет.

На протяжении этого длительного «междоусобицы» колонисты Новой Испании все громче роптали и высказывали свое недовольство. Например, кабильдо города Мешико впал в ярость из-за королевского решения о том, что владение энкомьендой не должно распространяться за срок жизни ее текущего владельца. Некоторые видные советники даже молили корону не назначать в Америке новых вице-королей. Если этот высокий пост планируется сохранить, полагали они, его следует передать сыновьям конкистадоров. Данное мятежное предложение официально включили в резолюцию городского совета Мешико от 21 августа 1564 года²³⁰. Далее члены совета предложили, чтобы второго маркиза дель Валье Мартина Кортеса утвердили в чине капитан генерала. Двое других потомков конкистадоров, Алонсо де Авила и Хиль Гонсалес де Авила, племянники бывшего соратника Эрнандо Кортеса (того Алонсо де Авилы, который был с Монтехо на Юкатане), пригрозили устроить бунт, однако Мартин Кортес их не поддержал²³¹.

Недовольство ширилось. Верховный суд решил упредить мятеж потомков конкистадоров и распорядился бросить Мартина Кортеса и братьев Авилы в тюрьму для простолюдинов. Заодно арестовали двух других сыновей Кортеса и некоторых других «активистов», включая Бальтасара де Сотело, брата Диего Ариаса Сотело, который женился на Леоноре, внучке Монтесумы²³².

Основными зачинщиками этого предполагаемого заговора были семейства Пачеко Боканегра, Гонсалес Давила, Вильянуэва Сервантес и Суарес де Перальта²³³. Все они притязали на правление вице-королевством.

В апреле 1565 года дела в городе Мешико обернулись к худшему. Случилось открытое восстание на улице Мартина Абберраса, вызванное столкновением между Бернардо де Боканегрой и его братом Эрнандо де Кордобой, с одной стороны, и Хуаном Суаресом де Перальтой, Алонсо де Перальтой (энкомьендеро из Тесуатлана), Алонсо де Сервантесом и неким Нахером – с другой стороны. Алонсо де Сервантеса успели ранить, прежде чем прибыла городская стража. Мартин Кортес принял сторону братьев Боканегра, поскольку испытывал романтическую привязанность к Марине Васкес де Коронадо, супруге Нуньо де Чавеса Боканегры, энкомьендеро Акаббаро в Селайе, неподалеку от Гуанахуато²³⁴. К тому времени Мартин Кортес «привык ожидать, что всякий, кого он приветствует на улице, незамедлительно присоединяется к его свите», поощряемый при надобности убедительными угрозами его брата-бастарда Луиса Кортеса, командовавшего охраной Мартина. Впрочем, влиянию Кортеса решительно

противились главный магистрат (*alguasil mayor*) Хуан де Самано и Хуан де Вальдивьесо, член городского совета и один из первых выпускников университета Мешико (его сестра Гиомар Васкес де Эскобар вышла замуж за Луиса Кортеса). Стычки на улицах происходили все чаще. Двое видных *criollo*, Луис Сифуэнтес и Эрнандо Пачеко, оказались под стражей в городской ратуше, а Вальдивьесо посадили в тюрьму.

Летом 1565 года разъяренные энкомьендо во главе с Лисенсиадо Эспиносой де Айяла обратились к Алонсо де Авиле, вышеупомянутому сыну знаменитого конкистадора того же имени, с петицией, содержащей призыв к бунту против властей вице-королевства, – в сущности, против испанской короны, – поскольку, как они считали, правительство намерено обездолить их внуков. Среди авторов петиции были Педро де Агилар, а также братья Бальтасар и Педро де Кесада, энкомьендеро обильных наделов в Шилотеке, и Кристоаль де Онате (племянник того Онате, который возродил Гвадалахару и был энкомьендеро Кадерейты). Они принадлежали к числу наиболее могущественных и богатых людей региона.

Аналогичные встречи происходили и осенью 1565 года, а главной их целью было сохранение института энкомьенды. Алонсо де Авила и Мартин Кортес публично заявили, что «король желает лишить их куска хлеба». Они грозились убить судей верховного суда и других должностных лиц, прежде всего Луиса и Франсиско де Веласко, сына и брата покойного вице-короля, а еще сулили властям всеобщее восстание. Алонсо де Авила на маскараде на Сокало, просторной площади в центре столицы, перед собором, оделся Монтесумой и увенчал голову короной; он и его друзья вдобавок устроили торжественный парад перед дворцом Мартина Кортеса. В доме Авилы состоялся бал, на котором вся посуда на столах была украшена вензелем «R»⁴⁶ под короной, как бы намекая второму маркизу, что тому пора короноваться. Позднее Алонсо де Авила на дружеской встрече очертил план заговора для своих сподвижников, разделивших его воззрения.

План как будто состоял в том, чтобы убить судей и инспектора короны, пока вторая группа заговорщиков будет расправляться с другими королевскими чиновниками. Третьей группе заговорщиков предстояло сжечь все бумаги в официальном архиве. Далее Мартину Кортесу следовало обратиться к людям на площади Сокало. Луису Кортесу поручили захватить порт Сан-Хуан-де-Улуа, а второму брату-бастарду маркиза, тоже Мартину, велели захватить богатый город Сакатекас и тамошние запасы серебра. Франсиско де Рейносо, также сыну конкистадора, надлежало утвердиться в Пуэбле. Затем Мартина Кортеса, второго маркиза дель Валье, планировали провозгласить королем. Он же одарит верных сторонников титулами герцогов и маркизов и щедро пожалует им земельные владения. После чего Алонсо Чико де Молина отбудет в Рим и предстанет перед папой римским с богатыми дарами, которые должны обеспечить в результате признание папой фактического переворота. Алиенсиадо Эспиноса де Айяла привезет из Севильи сына и наследника Мартина Кортеса. Впрочем, последний, разрывавшийся между честолюбивыми устремлениями и приступами страха, внезапно сделался менее сговорчивым. Алонсо де Авила пытался скрепить решимость заговорщиков, убеждая их подписать некий документ, где говорилось о необходимости восстания²³⁵.

На развитии заговора энкомьендеро серьезно сказалась болезнь, неожиданно свалившая Алонсо де Авилу. На некоторое время установилось задумчивое затишье, хотя все продолжали обсуждать, что именно готовит совет по делам Индий для Новой Испании²³⁶. Весной 1566 года другой испанский аристократ Гастон де Перальта, маркиз Фальсес, опытный администратор из Наварры, был назначен следующим вице-королем Новой Испании. Указания, переданные ему советом по делам Индий, содержали пятьдесят семь абзацев расплывчатых формулировок, повторявших инструкции, врученные некогда его предшественнику²³⁷.

⁴⁶ Первая буква латинского слова «гех» – «царь, король».

Пятого апреля 1566 года «заговор Кортеса», как впоследствии стали называть этот план, внезапно рухнул, поскольку Бальтасар де Агилар предательски раскрыл подробности заговора Луису де Веласко-младшему. Алонсо и Агустин де Вильянуэва выступили свидетелями, а Педро де Агилар рассказал все, что знал, доминиканцам, которые немедленно известили верховный суд. Братья Кесада и лисенсиадо Эспиноса де Айяла тоже предали своих сообщников. При этом сама идея мятежа продолжала циркулировать в обществе благодаря распространению слухов о том, что испанская корона твердо намерена покончить с институтом энкомьенды. Но в июне семейство Кортес и его друзья отложили восстание, поскольку их целиком и полностью захватили празднования в честь крещения новорожденных близнецов второго маркиза. Под грохот фейерверков и звуки скрипок, флажолетов и лютней велись потешные бои и устраивались пышные салюты у собора Мешико / Теночтитлана, к которому непрерывно подвозили большие меха с вином.

Шестнадцатого июля 1566 года Мартина Кортеса судьи верховного суда обвинили в подготовке заговора с целью отделить Новую Испанию от владений испанской короны. Кортеса застали врасплох, он никак не ожидал подобного, ведь его поддерживали многие недовольные энкомьендеро во главе с Алонсо и Хилем Гонсалесом де Авила. Ему попросту не приходило в голову, что кто-то дерзнет его в чем-либо официально обвинить. Разумеется, заговор и в самом деле существовал, но непонятно, насколько Мартин Кортес и его братья Луис и Мартин эль-Бастардо, которых тоже арестовали, были в нем замешаны.

Обоих де Авила, наиболее активных, судя по всему, заговорщиков, задержали, допросили и быстро казнили на площади Сокало, а их головы, насаженные на пики, «украшали» площадь на протяжении нескольких месяцев²³⁸. Луиса Кортеса также обвинили и приговорили к смертной казни, но приговор так и не привели в исполнение. Ряд других высокопоставленных *criollos* поместили под домашний арест²³⁹. Повсюду царили беспокойство и страх, а самая богатая энкомьенда Мешико, в Куауитлане, принадлежавшая де Авила, перешла во владение короны²⁴⁰.

Обвинения против *criollos* ожидали прибытия нового вице-короля Гастона де Перальты и нового прокурора Сеспедеса де Карденаса, который отплыл из Санто-Доминго. Перальта был человеком добросердечным, терпимым, умным и не склонным бросаться в крайности. Он прибыл в Веракрус со своей женой Леонорой в июле 1566 года (это первый случай в истории, когда вице-короля Новой Испании сопровождала супруга) и вскоре направился в Мешико, вчитываясь по пути в бесчисленные противоречивые доклады о положении дел в Новой Испании²⁴¹. Он официально принял бразды правления в столице в декабре. Своим распоряжением он сразу остановил все судебные процессы против заговорщиков, лично изучил собранные доказательства, а также встретился с некоторыми обвиняемыми. Он проявил снисхождение к Мартину Кортесу и выпустил того из тюрьмы, а потом даже пригласил в качестве гостя на турнир. Это разозлило судей, привыкших проявлять власть, и те принялись сочинять компрометирующие истории о связях Перальты с предполагаемыми французскими лазутчиками (это всегда было удобной отговоркой для испанцев). Им также удалось подстроить гибель мягкого, «всепрощающего» отчета Перальты по дороге в Веракрус, а их собственный доклад, с гораздо более суровыми обвинениями против вице-короля, быстро добрался до совета по делам Индий.

В июне 1567 года Филипп II учредил комиссию из помощников судей²⁴² для расследования предполагаемого заговора. Вице-королю Перальта велели возвратиться в Испанию, а замещать его было поручено судье Алонсо де Муньосу (другой судья, Гаспар де Харава, скончался во время плавания), но без принятия титула вице-короля. В марте 1567 года Перальта составил подробную докладную записку о проблемах, с которыми ему выпало столкнуться в ходе своего расследования²⁴³.

Муньос был полной противоположностью Перальте. Он отличался нетерпимостью и активно строил новые тюрьмы; эти «муньосские подземелья» начали возводиться еще до того, как судья добрался до Новой Испании. Шестдесят четыре человека затем обвинили в заговоре, восемь из них приговорили к смертной казни (семерых фактически казнили), а остальные подверглись штрафам или ссылке из столицы. Шестерым criollos пришлось отправиться на галеры в Оран в Северной Африке. Братьев Бальтасара и Педро де Кесада, Кристобаля де Онате и Бальтасара де Сотело повесили, затем растянули на дыбе и четвертовали без каких-либо доказательств их вины. Слуг Алонсо де Авилы тоже казнили. Братьев Боканегра (Бернардино, Фернандо и Франсиско) выпороли и подвергли разновидности пытки водой. Никто из них не признался, поскольку им не в чем было признаваться. Бернардино де Боканегру освободили по апелляциям его матери и жены, однако ему предписали двадцать лет службы на королевских галерах и лишили всей собственности. Другие criollos удостоились менее суровых наказаний. Мартину Кортесу, второму маркизу дель Валье, и его брату Луису приказали вернуться в Испанию и предстать перед советом по делам Индий в качестве политических заключенных²⁴⁴. Луис был вынужден отслужить десять лет в Ороне. Маркиза Мартина освободили от ответственности, но потребовали от него остаться в Испании. Его другого брата, Мартина эль-Бастардо, по-видимому, пытали, но позднее выпустили из тюрьмы, ибо, по словам вице-короля, «он мало в чем виновен»²⁴⁵.

На судей поступало столько жалоб, что король Филипп счел, что Алонсо де Муньос лишился рассудка. В итоге этот судья тоже лишился своей должности. Ему на смену пришли два лисенсиадо, доктор Луис де Вильянуэва и доктор Васко де Пуга, два младших судьи, ранее отстраненные от дел инспектором короны Вальдеррамой. Они сразу же вернулись в Новую Испанию. В монастыре Санто-Доминго в Мешико Вильянуэва сообщил Муньосу, что тот и его коллега Луис Каррильо более не являются членами верховного суда. Обоим бывшим судьям следовало немедленно отправиться в Испанию – в течение трех часов после получения извещения. Вместо того Муньос и Каррильо бежали в Веракрус, где сели на корабль, на борту которого находились вице-король Перальта и несколько других чиновников, плывших домой, в Испанию. Каррильо умер от апоплексии после нескольких дней в море²⁴⁶. Перальта был хорошо принят королем Филиппом, а Муньос вышел в отставку и вскоре скончался.

В этой истории слух громоздится на слух, и сегодня трудно достоверно выяснить, что именно произошло. Какой-то заговор наверняка существовал, но не подлежит сомнению, что он попросту не успел воплотиться в нечто серьезное. По сути, перед нами борьба за власть между испанской короной и местными аристократами. Конфликт первоначально спровоцировало недоверие, порожденное новыми законами 1542 года. Трагедия заключалась в том, что Новая Испания, бриллиант в испанской императорской короне, столкнулась с вызовами наподобие этого мнимого «восстания», поскольку отношения между двумя народами, населявшими заокеанские территории, к тому времени значительно улучшились²⁴⁷. Приобщение множества бывших аристократов Мексики к высшим слоям нового колониального общества шло весьма уверенно. Многие воспринимали себя конкистадорами, а вовсе не покоренным народом, и старались жить как таковые, владея лошадьми, мечами и даже доспехами.

8. Новая Испания в мире и покое

Для большинства мексиканцев независимость была своего рода реставрацией, событием, которое покончило с междоусобицей, что началось с завоевания. И наоборот, период «вице-королевства» Новая Испания воспринимался как некая интермедия.
Октавио-Пас. «El peregrino en su patria»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.